

ДИМИТРИЙ ПАНИН

Ответ Рою Медведеву

В тридцатые годы один советский писатель побывал в США и сделал следующее наблюдение: на чикагских бойнях механизировано все, кроме предательства. Дело в том, что дрессированный боров успокаивал очередные жертвы, но ловко отскакивал в сторону, когда партия свиней проваливалась в люк.

На гигантской бойне, именуемой СССР, стремятся превратить человека в робота, промыть ему мозги, наполнить их содержанием, нужным классу партийных бюрократов. Так возникла порода исковерканных людей, не подозревающих о своем уродстве. К обыкновенным людям испытываешь чувство жалости, к образованным и одаренным — скорее чувство возмущения. Такие мысли возникли у меня по поводу текста Р. Медведева, который он передал в Москве иностранным корреспондентам и о котором я мог получить представление, прочтя «Ле Монд» от 17 ноября 1973 г.

Подробный построчный разбор этой статьи обогатит советологов, но пока, чтобы помешать дезинформации, я остановлюсь на наиболее важных положениях Медведева.

1. Р. Медведев поддерживает старую версию о том, что в Политбюро имеется «правое» крыло. Гипотеза удобна для класса партийных бюрократов и КГБ. Таким образом становится возможным валить на «правых» все, что вызывает возмущение, и говорить, что Брежнев, увы, ничего не знал. В свое время такие же басни рассказывали о Сталине: все творили только Ежов и Берия... После XX и XXII съездов КПСС даже западные коммунисты поняли, кто истинный режимер всех гигантских преступлений. Также и Брежнев несомненно в курсе всех важных дел, все творится, конечно, с его ведома.

2. Р. Медведев обвиняет Сахарова и Солженицына за то, что они обращаются к правым кругам Запада. Это — заведомая ложь. Оба героя обращаются к людям доброй воли, которые всегда были и есть в разных кругах. Не говоря уже о том, что эта терминология теперь вообще устарела. Особенно на Западе просоветские круги окрещивают словом «правый» все, что как-либо не подходит под их узкую марксистскую идеологию.

3. Р. Медведев — кабинетный ученый. Он никогда не работал ни на заводах, ни в деревне. Он провел жизнь, изучая книги, изданные главным образом в СССР. Отсюда полная его неосведомленность. Трудовой народ в СССР можно уподобить воде, заполняющей водоем перед плотиной гидроэлектростанции. Поверхность водоема — гладкая, спокойная, а в глубине вода падает на колеса турбин и производит активную работу.

Население вело и ведет все годы постоянную глухую борьбу с ненавистным режимом порабощения доступными и даже эффективными средствами. Следствие этого — паралич сельского хозяйства, катастрофически низкое качество машин и любых товаров, которые за границей никто не покупает, отставание в области технологии и ряда наук. Утверждение Р. Медведева о политической пассивности рабочих и, особенно, крестьян не соответствует действительности. Рядовые труженики в тисках террора не проявляют себя открыто, подписывая, скажем, петиции, но применяют наиболее действенные средства — они ведут скрытую экономическую борьбу.

4. Р. Медведев утверждает, что демократизация режима возможна только сверху, то есть ее может осуществить класс партийных бюрократов. Но идеология марксизма-ленинизма требует для дальнейшего удержания власти тотального насилия в виде всех форм принуждения и обмана. Все это противоречит природе человека и отвратительно для тружеников. Если перестанут применять насилие, система будет взорвана изнутри. Никакая демократизация данного режима невозможна. Путь к свободе закрыт, пока у власти класс партийных бюрократов. Мнение Медведева поражает своей невежественностью и незнанием истории.

5. Не меньшее легкомыслие проявляет Р. Медведев, когда обвиняет Солженицына и Сахарова в том, что их декларации мешают появлению новой либеральной конституции Брежнева. Но ведь и до сих пор не выполняются даже те свободы, которые записаны в ныне существующей конституции 1936 г. Самые яркие примеры — нарушение принципа независимости суда, личной неприкосновенности граждан и т. д. Что мешает Брежневу начать выполнять хотя бы эти, записанные в конституции, принципы, прежде чем он даст новую, якобы более либеральную конституцию? Новая конституция Брежнева, о которой говорит Р. Медведев, будет, видимо, иметь целью узаконить безраздельную власть партийных бюрократов, ударить по национальному сознанию народов СССР и продлить их рабство. Непонятна детская доверчивость Медведева.

6. В результате 56-летнего господства партийных бюрократов экономика страны доведена до развала. Теперь для укрепления своей власти коммунисты нуждаются в экономической помощи извне. Американцы создают в СССР свои банки, диктуют условия, выдвигают требования. Никто не называет это вмешательством во внутренние дела СССР. Зато Медведев рассматривает как вмешательство во внутренние дела СССР моральное давление Запада и поправку сенатора Джексона, требующего свободного передвижения за пределы страны граждан СССР. Если следовать такой логике, то от актов произвола надо поскорее отворачиваться и проходить мимо.

7. Солженицын справедливо упрекает Запад в выборочном, а следовательно беспринципном отношении к проявлению беззакония. Он считает, что общественность Запада ничтожно мало сделала для того, чтобы помочь генералу Пригоренко и другим жертвам психиатрического террора. Если бы в психиатрическом застенке содержали человека в Южной Африке, общественное мнение сумело бы его освободить. Р. Медведев страным образом истолковывает эти слова Солженицына: он обвиняет Южную Африку за то, что там в тюрьмах находятся заключенные, вместо того, чтобы обвинить советский режим, преступно запирающий здоровых людей в психиатрические больницы. Он сравнивает несравнимое.

8. Р. Медведев жалуется, что часть оппозиционеров начинает будто бы терять терпение и предлагает перейти к методам, которые сразу станут понятными классу партийных бюрократов. Дело действительно идет к этому, и заклинания Р. Медведева все равно не помогут. Класс

чительное время провел в Риме. Есть известие о том, что он был в Греции и там, повидимому, написал несколько творений по-гречески.

Но основным местом постоянного пребывания Тертуллиана, с которым он был связан самыми крепкими душевными узами, был Карфаген. Здесь он родился, здесь вырос, под влиянием этого города сложился его бурный дух, всеми фибрами своей души впитал он палящий зной родного города и прославил его и весь свой край, как мало кто другой, во всем христианском мире до наших времен.

Тертуллиан был женат. До нашего времени сохранилось два его трактата, обращенных к жене. В одном он рисует светлую картину христианского брака, которую впоследствии заимствовали от него многие древние христианские писатели. Эту картину полезно и в наше время рисовать пред нашими православными юношами и девушками, побуждая их вступать в брак с единоверцами.

«Как найду я слова, — пишет Тертуллиан, — чтобы передать вполне счастье того брака, который заключается Церковью, скрепляется святой Литургией, запечатлевается благословением, о котором ангелы провозглашают на небесах и который признается Отцом Небесным, подобно тому как браки земных детей заключаются с согласия земных отцов? Как прекрасны узы двух верных — с одной надеждой, с одним учением, с одним и тем же служением! Оба они собратья, оба сослужители и составляют одно в плоти и духе. Нет у них различия в духе, нет различия и в теле. Воистину тут два в плоть едину. Здесь и плоть и дух едины.

Вместе они молятся, вместе творят поклоны, вместе постятся со взаимным назиданием, взаимным увещанием, взаимной поддержкой. Равно вместе они бывают в церкви Божией, вместе на вечера Господней, вместе равно в испытаниях, в гонениях, в упокоении.

Никто из них ничего не утаивает друг от друга. Никто не избегает друг друга. Никто не в тягость другому. Больные охотно посещаются ими вместе, нуждающиеся вместе ими поддерживаются. И благодаря тому, милостыня их без досады, жертва без промедления, святое Причастие без всякого препятствия.

Им нет надобности знаменовать себя крестным знаменем воровски, украдкой, или желать друг другу радости от Бога со страхом: примет ли, или благословлять друг друга крадучись, без слов. Они вместе поют гимны и псалмы и соперничают друг с другом, кто будет лучше славить Бога.

Видя и слыша все это, Христос радуется. Он посылает им мир Свой, ибо где двое, там и Он, а где Он, там нет лукавого».³

Тот факт, что Тертуллиан был пресвитером, многими оспаривается на том основании, что Тертуллиан нигде в своих творениях не говорит об этом. Но Тертуллиан вообще мало говорит о себе в своих творениях, а почти все древние писатели, упоминающие о нем, называют его пресвитером, расходясь только во мнении о том, где он вступил в клир: в Риме или в Карфагене. Из приведенных ранее слов блаженного Иеронима можно подумать, что Тертуллиан был клириком римским, но Оплат и Предистинат утверждают, что он был карфагенским пресвитером.⁴

Богатство творений Тертуллиана так велико, область его вдохновения так огромна, и так ярки, так драгоценны все его слова, что трудно выбирать из них что-либо отдельное в кратком обзоре.

Укажем прежде всего, что Тертуллиан — один из вдохновеннейших христианских апологетов, т. е. защитников христианства против современного ему язычества, безбожия и обожествления государства.

В то время, как другие апологеты обычно опровергали обвинения язычников против христиан и доказывали пра-

воту христианства, Тертуллиан в своих апологиях прибегает к другим методам: он доводит до абсурда обвинения язычников и тем самым делает их клеветы смешными и невероятными в их собственных глазах.

В этом отношении, быть может, наиболее ярка и пламенна глава II его знаменитой «Апологии», где он, отвечая на обвинения христиан в людоедстве и кровосмешении, говорит:

«Я христианин, говорит человек, исповедующий нашу веру. Вы схватываете его и муками заставляете отказаться от этого, т. е. сказать неправду, что он не христианин. При этом вы не спрашиваете его о тех преступлениях, в которых вы обычно обвиняете нас: сколько младенцев такой-то человек съел, как много кровосмешений он совершил, кто был поваром при этом, кто был рабочим или свидетелем. Между тем, какой триумф был бы для правителя, если бы он захватил человека, съевшего сотню младенцев... Представьте на минуту, что эти обвинения были бы справедливыми. Я только предложу вам представить, что вы должны сделать эти вещи, чтобы приобрести тем вечную жизнь, как вы говорите про нас. Итак: воткните ваш нож в маленького невинного младенца, который никому в жизни не сделал зла. Но может быть у христиан это делает кто-нибудь другой? Хорошо, стойте тогда рядом с ним, наблюдайте, как смерть войдет в это существо почти раньше, чем оно начало жить, посмотрите на пузырящуюся кровь, выходящую из него, обмакните в эту кровь хлеб и проглотите его с удовольствием. Можете ли вы это сделать?

Потом ложитесь с вашей матерью или с вашей сестрой. Внимательно посмотрите, где они лежат, чтобы, когда наступит мрак, вы не ошиблись бы. Ведь было бы преступлением не совершить кровосмешения.

Такими таинствами, вы говорите, мы добиваемся вечной жизни.

Теперь я спрошу вас: стоит ли вечность этого?

Если даже вы скажете, что стоит, то я откажусь поверить, что вы захотите ее на этих условиях. Если вы даже захотите ее так добиваться, то я откажусь поверить, что вы сможете заставить себя это сделать.

Но если вы не можете, почему другие могут? Разве мы другой природы, чем вы? Разве мы — киноцефалы или скиаподы? Разве у нас другие зубы, другие чувства, другие вожделения? Ты сам человек, как человек и христианин. Если ты не можешь заставить себя сделать такую вещь, то не верь, что это может сделать и кто-либо другой».

Разве приведенные слова Тертуллиана не может повторить и современный христианин в ответ на современные клеветы, хотящие убедить людей, что весь наш мир молитвы, благочестия, любви и подвига христианских был создан и проповедан лишь для того, чтобы добиться тех или иных материальных выгод, того или иного преимущества для того или иного общественного класса?

Далее Тертуллиан продолжает:

«Чтобы еще сильнее опровергнуть эти клеветы, я укажу на то, что среди вас существуют, отчасти открыто, отчасти прикровенно, такие деяния, которые приводят вас к возможности обвинять нас в сходных поступках. В провинции Африки дети открыто приносились в жертву Сатурну (Ваал-Хаммону) еще недавно, до консульства Тиверия, приказавшего жрецов, совершивших это, повесить на священных деревьях, осеняющих их храмы. Но и доньше эти преступления совершаются там секретно. И не только христиане презирают вас за такие деяния, но и вы сами презираете их, хотя и не исправляетесь, как не исправлялся бог ваш Сатурн, не пощадивший своих детей и тем более не щадящий чужих.

У нас воспрещен всякий род убийства. Христианину запрещено и убийство зародыша во чреве матери. Вызывания преждевременных родов, которые вы практикуете, строго запрещены нам, потому что это просто ускоренное смертоубийство. Ведь совершенно тоже самое отнять жизнь у родившегося или у готовящегося к рождению.

³ „Ad Uxorem“, II, VIII.

⁴ Optatus „Adv. Parmenianum“, I; Praedestinatus „De Haeresibus“.

Важно, что это человек, который уже полностью заключен в своем зерне — зародыше».⁵

Разве для современных убийц нерожденных детей не полезно напомнить слова Тертуллиана об этом?

Не менее силен и убедителен и другой апологетический прием Тертуллиана в его труде «Свидетельство души». Он обращается тут к языческой человеческой душе и непосредственно от нее, так как «душа по природе христианка», требует свидетельства в пользу христианства.

«Стань пред нами, душа, все равно, являешься ли ты божественной и вечной, как думают многие философы, или ты являешься, наоборот, смертной вещью, как думает Эпикур, в обоих случаях тебе нет причины лгать, явилась ли ты с небес или возникла от земли, создалась ли ты из чисел или из атомов, родилась ли ты вместе с телом или была придана ему. Откуда бы ты ни явилась, это ты делаешь человека разумным существом, способным к высокому чувству и высшему знанию. Итак, стань и свидетельствуй.

Но я вызываю тебя не такой, какую ты становишься, образовавшись в школах, воспитанная в библиотеках, воспитанная в аттических академиях и лицеях. Я обращаюсь к тебе не как к изыгнующей премудрости, но как к грубой и необразованной, к неученой, к такой, какую обладает тот, кто не имеет ничего, кроме тебя, к душе обнаженной, к такой, какую ты бываешь на улице или в мастерской ткача. Мне нужна твоя неиспытанность, неопытность, так как у меня нет доверия к твоему жалкому опыту.

Я требую только того, что ты приносишь с собою в человека, что ты учишься чувствовать или от себя самой или от твоего Творца, кто бы он ни был. Ты, насколько я знаю, не христианка, ибо христианами становятся, а не рождаются. Тем не менее христиане требуют от тебя свидетельства против тех, что такие же нехристиане, как и ты, чтобы они покраснели пред тобою, так как они ненавидят нас и издеваются над нами вследствие тех самых истин, которыми они пользуются, как и мы, обладая тобою...

Эти свидетельства души столь же истинны, как они и просты, столь же просты, как они и обычны, столь же обычны, как и всеобщы, столь же всеобщы, как и естественны, столь же естественны, как и божественны... Они проявляются в обыденном языке и у язычников, которые говорят: «дай Бог», или «если Богу угодно», хотя и поклоняются многим богам. Язычники называют демонов лютыми, приписывают зло злым духам, совершая таким образом отрицание сатаны своими устами, хотя и творят дела его. Об умершем друге язычники говорят: «он отошел», исповедуя таким образом неизбежность его возвращения... Природа человеческая всеобща. Бог везде, и благость Божья везде. Демон везде, и злоба демона везде. Призывание Божьего суда везде. Смерть везде, и сознание смерти везде, везде также и свидетельство души об этих предметах. Поэтому всякая душа является и судейской трибуной и свидетельницей на ней. И в той мере, в какой она могла свидетельствовать правду, она повинна во лжи. Поэтому в час суда она станет пред Богом безмолвной. Ты провозглашала Бога, о душе, и не искала Его. Ты ненавидела демонов и служила им. Ты призывала суд Божий и не верила в его существование. Ты вкушала христианство и гнала христиан».⁶

**

Но не менее ярок и силен Тертуллиан и тогда, когда, подобно прочим апологетам, он просто говорит о непобедимости христианства.

Обращаясь к жесточайшему гонителю христиан в Карфагене, к правителю Скапуле, Тертуллиан пишет ему:

«Твоя жестокость есть наша слава. Мы не выступим силою, чтобы встретить твои нападения. В Азии, когда проконсул Арий Антонин начал свое гонительство, хри-

стиане целой области явились к нему и заявили о своей принадлежности к христианству, вызвав у него восклицание: «Несчастные, если вы все хотите умереть, то разве у вас нет для того стремления и петель?». А как ты будешь обращаться с таким множеством? Сколько огней и сколько мечей тебе понадобится? Можешь ли ты подвергнуть децимации весь Карфаген и избить среди этих жертв множество из твоих собственных друзей и родственников? Пощади самого себя, если уж не нас. Пощади Карфаген, если не себя. Пощади провинцию, которая со времени твоего назначения подверглась стольким смятениям и бедствиям.

Твои повелители — лишь люди, которые должны умереть, а мы имеем повелителем вечного Бога. Он — перед тобой. Он не может быть скрыт, и ты не можешь нанести Ему вреда. Ты не можешь подавить нашу веру. Она только увеличивается от кажущегося истребления, потому что каждый, кто только видит столь много терпения и выносливости, как у наших мучеников, не может избежать впечатления, производимого этим на душу, и у него пробуждается стремление исследовать сущность этого дела, а тогда он сам становится обращенным».⁷

Вместе с тем, Тертуллиан, могучий и пламенный апологет, был и ярким проповедником покаяния. Те мысли, те чувства и слова, которые потом христиане услышали от Иоанна Златоуста, от Ефрема Сирина и многих иных нарочитых проповедников покаяния, они впервые услышали из уст Тертуллиана.

«Покаяние, — говорит он, — есть жизнь, так как оно дороже смерти. Стремясь к нему, хватайся за него, как потерпевший кораблекрушение хватается за всякую доску, о подобный мне грешник, даже менее грешный, чем я, ибо я признаю мою преимущественность в прегрешениях...»

Покаяние и покаянное исповедание своих грехов он называет двумя фаросскими маяками человеческого спасения и пишет: «Так как я грешник из всех грешников и рожден не для чего иного, как для покаяния, то я не могу молчать о том, о чем не молчал Адам, основатель как человеческого рода, так и человеческого прегрешения, возвращенный, однако, покаянием в рай... Мы исповедуем громко наши прехи перед Богом, не потому что Он не знает их, но потому что таким исповеданием достигается примирение. От исповедания рождается покаяние, а покаянием примиряется Бог... Бог наш есть истинный отец. Нет никого, кто был бы столь богат отеческой любовью. Он принимает возвращающееся к Нему Его чадо, даже если тот расточил и разграбил все, что получил от Него. Даже если тот возвращается совсем нагим, принимает его, только потому, что он возвращается, и бесконечно радуется его возвращению».⁸

Степень смирения и покаянности Тертуллиана мы видим из его строк о терпении, добродетели, которая, как он признается, была мало свойственна ему.

«Крайне несчастен я, ибо болен горячечным жаром нетерпения и обнаруживаю дерзость, даже бесстыдство, осмеливаясь писать о добродетели терпения, в которой сам не способен подавать примера... Она питомица Божия и восседает на троне Того спокойнейшего и кротчайшего Духа, Который не выступает в бурном вихре и не блистает в грозе и тучах, а выявляется в нежной кротости открытою и простою. Ее видел Илия в своем видении на горе Хорив. Там, где Бог, там и приемное чадо Его — терпение. Куда сходит Дух Божий, терпение сопровождает Его неотлучно».⁹

**

Но главнейшим делом жизни Тертуллиана, главнейшей его заслугой перед Церковью была его победоносная борьба против гностицизма.

Гностицизм — это христианство, частично принятое и частично непринятое. Это христианство наполовину.

⁷ „Ad Scapulam“, V.

⁸ „De Poenitentia“, VIII, 9.

⁹ „De Patientia“, I, XV.

⁵ „Apologeticus“, II, 7, 9.

⁶ „De Testimonio Animae“, I, 5, 6

Принимая веру Христову, язычник должен был отказаться от своего многобожия, т. е. от представления, что все стороны его жизни связаны с тем или иным божеством, и каждое его желание, каждая его страсть, его грех или его добродетель имеют особого божественного участника, покровителя и помощника. Эта сторона язычества давала глубокую и важную пищу человеческому самоутверждению и самости. Другой стороной язычества, питавшей горделивое самоутверждение наиболее одаренных натур, было то, что язычник, фактически сам создавал себе своих богов. Фантазии и поэтические описания богов и их похождения в греко-римском язычестве ничем фактически не ограничивались.

Все это люди, обращавшиеся в христианство не полным и чистым сердцем, пытались перенести и в новую, принимаемую ими религию, которую они рассматривали как одну из прочих религий.

Такое смешение язычества с христианством в самых различных дозах получило в первые века церковной истории наименование гностицизма.

Церковный историк Ф. В. Фаррар так говорит об этом явлении:

«Гнозис — знание, всегда занимал в христианской системе заслуженно высокое место. Всегда все партии любили присваивать себе право на какие-то особо похвальные титулы. Так создатели того смешанного христианства, которое проповедывало иного Христа и иное Евангелие, присвоили себе название гностиков — носителей знания. Гностики были и иудейские, подобно евионитам и ученикам Керинфа, которого св. ап. Иоанн Богослов назвал «врагом истины». Были и языческие гностики, и сирийские гностики, подобные Вардесану, и зороастровские гностики, подобно Манесу. Были и аскетические гностики, подобно Василиду, и распутные гностики, подобно карпократиянам и николаитам (Апок. 2, 6 и 8). Были такие гностики, которые учили и верили в неразумные бессмыслицы, подобно каинитам и офитам, и были гностики обширного образования, пылкого развитого воображения, подобно Валентину. Были такие гностики, христианство которых было простой прививкой к иудаизму, подобно назорьянам, и были гностики, которые, подобно Маркиону, отвергали Ветхий Завет и видели в ветхозаветном Боге злобного Демидурга. Но все эти секты заявляли претензию на особое, лишь им присущее знание, и потому все они объединяются общим наименованием гностиков».¹⁰

Когда вера Христова вошла в мир и с нею пришла божественная жизнь Церкви, привлекая человеческие души к богообщению и освобождая их от рабства диаволу, делая их способными к сожитию с Богом, тогда злая сатанинская сила восставала против правды Христовой и против Богообщения в Церкви разными путями. Один путь был прямым нападением на Церковь руками язычников, гонение на христианство в стремлении физически уничтожить Христову Церковь в этом мире и сделать тем его опять не причастным божественной жизни.

Другой путь был связан с попыткой внести в самое христианство нечто ему чуждое, нечто от побеждаемого язычества, чтобы сделать христианство не цельной непогрешимой божественной правдой, но смесью божественной правды с человеческой полуправдой, к которой неизбежно примешивается диавольская ложь.

Когда человек, обращаясь к Богу, утаивает что-то свое, хочет сберечь в себе что-то от своего прежнего удаленного от Бога существования, то он неизбежно впадает в то полухристианство, которое может оказаться в очах Божьих омерзительнее самого язычества, по принципу слов Апокалипсиса: «О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч, то извергну тебя из уст Моих» (3, 15-16).

Это не значит, что Господь и Его святая Церковь не принимают ничего из внешнего безблагодатного мира. Все принимают, что не греховно. Многие принесли из языческой философии, из риторики, из писательского и проповеднического искусства греко-римского искусства в Церковь святые отцы. Но они принесли все это смиренно, подчиняя все это Божьей правде, как ценности наивысшей, ее единую и всем внешним знанием лишь служа ей, готовые от всего этого отречься, если в чем-либо самомаleast языческое наследие придет в столкновение с Божьей правдой, заключенной в Церкви. И тогда Господь принял от них эти внешние знания их, это внешнее искусство и возвратил его Своим верным рабам умноженным, обогащенным, облагодатствованным и освященным.

Но если приходившие к Церкви приносили с собой из внешнего мира что-то свое, ими особенно ценное, и не хотели от него отказаться даже ради божественной правды, то есть возлюбляли что-то более Бога, то это извне приносимое становилось для них кумиром — неодолимым препятствием, преградой между ними и Евангелием, между ними и Богом. В этом случае они никак не могли сделаться полностью и по-настоящему христианами.

Здесь с наибольшей ясностью сказывается правда слов Господних, повторенных всеми без исключения евангелистами, подчеркивая тем важность этих слов: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мф. 10, 39; Мр. 8, 35; Лк. 9, 24; Ин. 12, 25).

В более широком смысле гностицизм присущ всем временам. В новейшее время мы знаем примеры проявления гностицизма среди язычников и материалистов новейших времен, пытавшихся стать христианами без полного и всецелого отречения от своих прежних внехристианских воззрений. Такова в основных чертах трагедия и Л. Толстого, и С. Булгакова, а сейчас С. Желудкова и многих других. Еще более распространены элементы психологии гностицизма в каждом отдельном человеке, если он после отхода от Бога или после глубокого нравственного падения не приходит всецело и безоговорочно к Богу, но, возвращаясь к Нему, стремится принести что-либо из приобретенного им вне Бога.

В этом смысле гностицизм является вечным, всем временам присущим явлением. Но наиболее явственным, классическим и наиболее опасным гностицизм был в начале христианской истории, когда христианство еще мало имело своего внешнего знания, а для миссионерских целей очень нуждалось в нем. Были моменты, когда казалось, что обманчивые пенные волны гностицизма захлеснут корабль Христов и к Божьей правде будет неотделимо примешан смертоносный яд лжи. Это значило бы, что дело Христово погребено. Ведь смешение добра и зла — любимый прием сатаны, которым он человека, сотворенного Богом с природным обращением от зла, приучает ко злу и лжи, постепенно увеличивая дозу их в своих смешениях добра со злом.

От страшной опасности соблазна гностицизмом спас Господь Свою Церковь в начале ее исторического пути по преимуществу подвигом двух Своих рабов: святителя Ирины, епископа Лионского, и Тертуллиана.

Своим огненным словом Тертуллиан сжег первые и потому самые важные, самые опасные ростки гностицизма. «Долой все попытки произвести пестрое христианство из стоицизма, платонизма и диалектических композиций!» — восклицает Тертуллиан. «Наше учение начинается в притворе Соломоновом (Дн. 3, 5), который учит: в простоте сердца ищите Господа» (Прем. 1, 1).

«О несчастный Аристотель», — говорит на несколько строк ранее Тертуллиан, — «научающий логике, как искусству одновременно созидать и разрушать, смелый в своих предположениях, трусливый в заключениях, производительный в своих доводах, рассуждающий обо всем и никопда не могущий ничего решить».¹¹

Наиболее важным трудом против гностицизма является его многоименное творение «Против Маркиона».

Маркион был одним из главных гностиков II века, одним из проповедников так называемого докетизма, т. е. учения о том, что Христос Спаситель принял на Себя

¹⁰ F. W. Farrar, „Lives of the Fathers“, p. 196.

¹¹ „De Praescriptione Haereticorum“, VII.

только «видимость плоти» и, следовательно, на Голгофе принял только видимость страданий. Писатель Д. С. Мережковский справедливо определяет докетизм как попытку дьявола «украсть у Бога спасенный Им мир».

Против докетизма писал уже «муж апостольский», т. е. непосредственный ученик апостолов, св. Игнатий Богоносец. В своем Послании к Тралийцам в гл. 9 он говорит: «Не слушайте, когда кто будет говорить вам не об Иисусе Христе, Который произошел из рода Давидова, от Марии, истинно родился, ел и пил, истинно был осужден при Понтии Пилате, истинно был распят и умер, чему свидетели и небесные, и земные, и преисподние, Который истинно воскрес из мертвых, так как Его воскресил Отец Его, Который подобным образом воскресит и нас, верующих во Иисуса Христа, ибо без Него мы не имеем вечной жизни. А если некоторые, неверующие, говорят, что Он страдал только призрачно — сами они призраки, — то мы напрасно умираем, и, значит, мы говорим ложь о Господе...». И в послании к смиряннам он опять говорит о докетах: «Никто не обольщайся: и существа небесные и земные, и ангелы, и власти видимые и невидимые — все подлежат суду, если не будут веровать в Кровь Христову. Посмотрите на тех, которые иначе учат о пришедшей к нам благодати Иисуса Христа... Они удаляются от Евхаристии, потому что не признают, что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по Своей благодати».

Тертуллиан, говоря о первенствовавшем среди докетов Маркионе, дает глубоко верное определение его трагедии. Тертуллиан пишет: «Циник Диоген ходил с фонарем в руках в полдень, чтобы найти человека, в то время как Маркион, потушив свет веры, потерял Бога, Которого он тоже было нашел. Даже его ученики не могут отвергать того факта, что первоначальная его вера была единою с нами».¹²

Маркион был сыном Синопского епископа. Тертуллиан рассказывает, что своим собственным отцом Маркион был отлучен от Церкви за неправду и упрямую непокорность. Около половины II века, когда он был в Риме, св. Поликарп в ответ на вопрос Маркиона, узнает ли он его, ответил: «Узнаю в тебе первородного сына сатаны». Римская Церковь отказала Маркиону в Причастии, и деньги, которые он хотел пожертвовать на церковные нужды, были ему возвращены. Он совершенно отрицал Ветхий Завет и из всех Евангелий признавал только Евангелие от Луки, которое начинал словами: «в 15-й год Тиверия кесаря Бог пришел в Капернаум...» Из всего остального Нового Завета он принимал лишь 10 посланий ап. Павла. Вместе с тем он проповедывал самый крайний дуализм, занятый им из персидского зороастрианизма, т. е. учил о равной предвечности и равномогущности Бога и дьявола, прокладывая тем дорогу будущему сатанизму средневековых богомилов и альбигойцев, а чрез них всякому сатанизму во все времена, до наших включительно.

Дьяволу — Демидуру приписывал Маркион и создание всего телесного мира. Об этом лжеучении Тертуллиан писал так: «Стигнув ноздри, бесстыдные маркиониты обращаются к разрушению дела Творца... Но мир не достоин Бога. Бог не сделал ничего недостойного Себя, хотя Он и сотворил мир не для Себя, а для человека и хотя все соворенное бесконечно ниже Того, Кто сотворил его. Я снизойду к низким вещам: один простой цветок из-под забора, уж не говорю о лугов или из садов; простая тоненькая раковинка из любого моря, уж не говорю из моря Черного; простое узенькое перо какого-нибудь тетерева, я уже не говорю павлина — все докажет вам, что Творец не плохой Художник. И когда вы подсмеиваетесь над мелкими тварями, которые Творец намеренно одарил разумом и силой, шучая нас таким образом, что величие проявляется и в малом, подобно тому, как и апостол учит нас тому же, — попробуйте подражать, если можете, шестиугольникам пчелы, холмам муравьев, ткани паука, нитям шелковичного червя. Снесите, если можете, ничтож-

ных тварей вашей постели и вашей кровли: яд кантариды, укулы комара, надоедливость мухи, жало осы. Вы не можете даже в малых вещах презирать Творца.

Оглянитесь вокруг себя, осмотрите человека совне и совнутри. Это творение нашего Бога понравится вам, потому что и Господь возлюбил его столь много, что ради него потрудился сойти с небес и облечься в эту бедную вещественность. Ради него в этой малой храмине Он был распят. Он не презрел воды, которую Он омывает Свой народ, ни ел, которым Он помазывает его, ни хлеба, под которым Он изображает Свое собственное Тело. Неужели для Своего Таинства Он нуждается в «ничтожных элементах» Демидура.

Ты, однако, являешься учеником, который выше учителя, рабом выше своего господина, обладаешь мудростью большей, чем Творец, разрушая и понося то, в чем Он нуждается. Но я хочу исследовать твою искренность и посмотреть, не жаждешь ли ты тех самых вещей, которые поносишь? Враг небу, ты однако же любишь ясность неба и свежесть воздуха в твоих жилищах. Ты презираешь землю, из которой произошло твое тело, и однако же тук ее извлекаешь для своей пищи. Ты унижаешь море, но пользуешься его изобилием. Лицемер, ты поносишь те самые вещи, в которых ты живешь и умираешь».¹³

После ударов, нанесенных маркионитству Тертуллианом, эта секта, охватившая было почти все страны, где было тогда распространено христианство, почти совершенно исчезла, и лишь остатки ее сохранились на крайнем востоке империи еще в течение двух веков, чтобы потом слиться с новыми волнами антихристианских ересей.

В том же своем обширном (5-томном) трактате «Против Маркиона» Тертуллиан дает прекрасное определение христианского представления о Боге. «Христианин определенно исповедует принцип, что Бога не может быть, если Он не Один. Спроси, что такое Бог, и ты поймешь, что Он не может быть не единым. Насколько это возможно для человека, я определил его так, что сознание всех людей примет это определение. Бог — Превысшее Существо, пребывающее в вечности, не рожденный, не сотворенный, без начала и без конца».¹⁴

Кроме маркионитов, Тертуллиан боролся и с гностиками валентинианами, но в этой борьбе он пользовался преимущественно аргументами св. Иринея Лионского, значительную часть противовалентиниановских доводов которого он перевел с греческого на латинский.

Выступал Тертуллиан и против лжеучителя Праксея, в опровержение неправомыслия которого им написан трактат «Против Праксея».

Праксей был малоазият. Первоначально он приобрел себе почитание в Церкви исповедническим подвигом. Но впоследствии он впал в заблуждение патрипассианства, т. е. в неправое представление, что Христос Спаситель был воплощением Бога Отца, и, следовательно, на Голгофе пострадал Бог Отец. Это заблуждение родилось из философского представления о Боге как о неделимой монаде. Праксей был уже опровергнут в Риме, когда в поисках нового поприща он явился в Карфаген и стал проповедывать тут свое заблуждение, основываясь, как это обычно бывает с религиозными лжеучителями, на отдельно взятых, вне связи с прочим Писанием, священных текстах. Его ересь походила на неправомыслия Ноега и Савеллия. Три Лица Пресвятой Троицы он истолковывал как три образа действия.

Значительным (в 33 главы) трактатом Тертуллиана лжеучение Праксея было ниспровергнуто. Трактат этот яркий и сильный. Заканчивая его, Тертуллиан говорит: «Долой этих антихристов, которые, отвергая Отца, отвергают и Сына. Они отвергают Отца, когда говорят, что Он не Отец, но одно и то же с Сыном; они отвергают Сына, когда говорят, что Он одно и то же, что и Отец, приписывая Им то, что Им не свойственно, и отнимая у Них то, что Им свойственно. Но только в том, кто исповедует, что

¹³ „Adversus Marcionem“, I, 13, 14.

¹⁴ Ibid., I, 3.

¹² „Adversus Marcionem“, I, 1.

Иисус Христос есть Сын Божий, а не Отец, в том будет обитать Бог и он в Боге (I Ин. 4, 15). Мы веруем в свидетельство Божие, которым Он свидетельствовал о Сыне: «не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (I Ин. 5, 12). А не имеет Сына Божия тот, кто верит, что Он — не Сын».¹⁵

За свою горячую победоносную борьбу против врагов Церкви и Божией правды Тертуллиан всегда, и доньше, ненавидим всеми многовидными врагами правды. Обычно антихристианские и антицерковные историки бережно отмечают в истории Церкви всех тех, кто хотя бы в чем-нибудь восставал против Церкви, и к ним относятся с симпатией. Тертуллиан является исключением. Несмотря на то, что он поскользнулся на соблазн монтанизма, антицерковные историки обычно отзываются о нем с враждебностью, так как не могут ему простить его яркого неподкупного ратоборства за Церковь. Тем более он имеет право на церковное сочувствие, несмотря на свое последнее заблуждение.

**

Тертуллиан уклонился в монтанизм.

Монтанизм был крайней, неправой реакцией против гностицизма. В то время как гностицизм пытался внести в христианство языческие философские представления, монтанизм презрительно отвергал философию и все с ней связанное. Безумные экзальтированные выступления Монтана, Максимиаллы и Прискиллы почитались в монтанизме по авторитету равными Священному Писанию.

До своего обращения в христианство Монтан был околеленным жрецом фригийской богини Кибелы и, видимо, стремился внести в христианство хорошо ему знакомый по оставленному языческому культу религиозный опьяняющий экстаз.

Против этого соблазна уже в самый ранний период высказывались христианские учителя. Климент Александрийский не колеблясь указывает, что проповедь в экстазе есть проповедь «слуг вероотступничества».¹⁶ Аполлет Мильтиад написал книгу о том, что пророк «не должен говорить в исступлении». Он развивает эту мысль дальше: «Этот лжепророк (Монтан) проповедует в состоянии неестественного экстаза, при котором оставлена всякая сдержанность. Начинает он с вольного невежества, а кончает невольным безумием».¹⁷

¹⁵ „Adv. Praxean“, XXXI.

¹⁶ „Строматы“, I, 17.

¹⁷ Евсевий, История Церкви, XVII, 1.

Но бурно пламенный, увлекающийся Тертуллиан не узнал в новом виде того самого духа лжи и смещения добра со злом, против которого он так свято боролся в своих противогностических выступлениях, и на этот раз сам впал в исступленную секту монтанизма.

Уже в его ценном трактате против докетизма «О плоти Христовой» можно найти утверждения монтанистические по существу, вроде его знаменитых фраз: «Верую в это, потому что это нелепо», или: «это безусловно вероятно, потому что это невозможно» и «это несомненно, потому что это бессмысленно». Такими утверждениями Тертуллиан, подобно Монтану, хочет отнять у человеческого разума возможность участия в акте веры, в то время как православное сознание высоко почитает разум, не допуская его лишь до самоутверждения и горделивого превозношения.

Господь милостиво не оставил до конца Тертуллиана. В последних своих творениях Тертуллиан возвращается к правосмыслию и воздерживается как от крайних заявлений в монтанистическом духе, так и от тех дерзких хулений против Православия, которыми были преисполнены его сочинения в период тотчас после впадения в монтанизм. Мы не знаем, покаяться ли Тертуллиан до конца и вернулся ли в лоно Православной Церкви. Увы, скорее надо предполагать, что он не стал до конца православным. Но милость Божия проявилась к нему еще и иначе: в то время как все его православные творения сохранились до нашего времени в целостности, все его еретические сочинения, за исключением немногих полных сочинений и некоторых фрагментов, исчезли. Небольшая группа тертуллианистов, существовавшая в III веке в Карфагене, по свидетельству бл. Августина, в IV веке вернулась в Церковь.

Православные же мысли и творения Тертуллиана во все века много и разнообразно служили Церкви в ее деле спасения человеческих душ. Их можно и нужно читать и теперь. Читатель найдет в них много ярких ответов на многочисленные вопросы, и в настоящее время встающие перед человеческим сознанием. И, читая эти творения, будем выполнять мольбу их автора — самого этого писателя, страстного, бурного, пламенного, талантливое, горящего, поминая в молитвах «грешного Тертуллиана». И в этой молитве мы будем не одиноки, мы будем иметь корифеем великого Божьего святителя, мученика и отца Церкви, святого Киприана, не возгнушавшегося почитать Тертуллиана своим учителем.

Ответ итальянскому писателю Рудольфо Квадрелли

Дорогой друг, не потому я так долго медлил с ответом, что мои житейские обстоятельства неблагоприятны для такого вида духовно-идеологической корреспонденции (хотя это и правда), и не потому, что мне трудно возразить на мысли, высказанные в Ваших письмах, с которыми я, конечно, не согласен. Нет, не в этом дело. Я несколько раз начинал писать Вам, а потом бросал. Руки сами опускались. Ведь если бы Вы были моим идеологическим противником — тогда все было бы в порядке. Тогда недоумение не мучило бы меня и писать было бы очень легко. Но Вы не враг, Вы друг мне, и вот поэтому предо мной стал вопрос — как мне Вам показать (не доказать, а именно показать) то, что для меня самоочевидно, а что Вы не видите, а главное — зачем это делать? Ведь если вся Ваша жизнь, весь мир, в котором Вы живете, все книги и газеты, которые читаете, вызывают в Вас те суждения, которые я считаю глубоко ошибочными, то какое значение может иметь мой ответ Вам?

И вот, вспоминается мне та молодая итальянская коммунистка, описанная в автобиографии Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Не знаю, читали ли Вы эту книгу, но

прочсть ее, особенно Вам в Италии, стоит. Так вот, эта итальянка до Второй мировой войны бежала из фашистской Италии на «родину всех трудящихся», конечно, попала в сталинские застенки и где-то в тюремном подвале была увидена автором книги в тот момент, когда ее в мороз из шланга поливали водой, а она, ничего не понимая, кричала: «Ио соно комуниста, ио соно комуниста!» («Я коммунистка»). Как Вы думаете, если бы ей, до ее побега из фашистской Италии и до советского лагерного опыта, кто-нибудь попытался объяснить что к чему, — то у нее открылись бы глаза? Что Вы думаете, стало ли бы для нее самоочевидным то, что в то время уже было самоочевидностью для миллионов лагерников и других подсоветских граждан? В этом я глубоко сомневаюсь. Вот поэтому-то у меня и опускаются руки, когда я сажусь за письмо к Вам. Ведь не чужие письма, а собственный опыт открывает глаза на реальности сего мира.

Но все-таки, для очистки собственной совести, а еще и потому, что на Западе, наверное, многие разделяют Ваше мнение, я Вам отвечу.

Вот в кратком изложении основные положения Ваших двух писем: Вы исходите из факта существования в нынешнем мире двух социально-экономических систем, из которых каждая имеет свои преимущества и свои недостатки. Вы настаиваете на том, что коммунистическая система имеет по крайней мере то *преимущество*, что в ней нет общественного разложения, наблюдаемого на Западе, а кроме того, экологическая трагедия в коммунистических странах менее заметна. Правда, Вы оговариваетесь, что процесс разложения в коммунистических странах тормозится не этическими, а политическими средствами давления, но несомненно считаете выгодным, по сравнению с Западом, факт отсутствия порнографии, рекламы, наркотиков, гангстерства и прочих элементов разложения общества. Берлинская стена для Вас — символ разделения почти что одинаково несправедливых миров, и по Вашему мнению, будь на Западе общество здоровое, то этой стены не было бы, так как Запад не менее виноват в ее построении, чем Восток. Коммунизм, по Вашему, — религия земной жизни, и имеет глубокое оправдание, хотя оно извращено, однако, Вы не уверены в том, присуще ли извращение только советской системе или всякому коммунизму. Западный мир, по Вашему мнению, движется к катастрофе, и спасти его может только радикальное изменение пути, по которому он идет. Первое письмо Вы начали с объяснения, что пишете мне, потому что я, в отличие от других оппозиционных писателей из коммунистических стран, не считаю Запад землей обетованной, а второе письмо Вы закончили утверждением, что если я с Вами не согласен, то это будет означать, что каждый из нас лучше чувствует зло в своем обществе, чужое же зло труднее понять.

Перво-наперво, я не знаю таких самиздатских (название точнее, чем «оппозиционные») писателей, которые бы не видели зла, существующего на Западе. Укажите мне их. Наоборот, поражает тот факт, что люди, никогда в жизни не бывавшие на Западе, десятилетиями отрезанные от всякого западного источника информации, даже коммунистического, ежедневно захлестываемые потоками пропаганды, — так реально и без всяких иллюзий оценивают капиталистический мир. Прочтите книги Надежды Мандельштам, Солженицына, Померанца, да и всех вообще самиздатцев, и укажите мне на их иллюзии относительно западного мира. Да и как быть этим иллюзиям, когда само по себе существование многочисленных коммунистических партий в западноевропейских странах, «новой левой», западных писателей, восхваляющих коммунистическую систему, и многого другого, о чем с гордостью вещает советская пресса, именно говорит о том, что на этом самом Западе, ой как много неладного. И в то же время, мнения людей Запада, даже и не коммунистов, о Востоке, — сплошь и рядом полны иллюзий и полного неопонимания, чему иллюстрацией могут служить и Ваши письма.

Ведь как это у Вас выходит: существует капиталистическое общество и общество коммунистическое. Одно разлагается, другое — политическими или полицейскими мерами удерживают от разложения. Но ведь именно это неверно, дорогой Квадрелли, в том-то и дело, что никакого общества в коммунистических странах нету. Сущность всякого тоталитаризма, всякой однопартийной диктатуры, именно в *разобщении* людей. Тот процесс разложения общества, который Вы видите теперь на Западе, является *полностью законченным* в коммунистических странах. Поэтому ожидать от коммунизма излечения общественного разложения, это то же самое, что считать смерть излечением от раковой опухоли.

Или другое сравнение: в строгих тюрьмах нет ни порнографии, ни рекламы, ни наркотиков, ни воровства, словом — никакого разложения. Но ведь нет и общества! Это сравнение может хорошо показать, почему люди в коммунистических странах не строят никаких иллюзий относительно Запада и все-таки завидуют живущим на Западе и при случае пытаются убежать (поэтому-то и построена Берлинская стена), а в то же время люди Запада всегда имеют извращенное представление о коммунизме. По-

верьте мне, я несколько лет просидел в тюрьме и лично убедился в том, что заключенные не строили никаких иллюзий о жизни за тюремными стенами, однако все время мечтали о свободе, и я знаю, как никогда не бывавшие в тюрьме всегда имеют более или менее неправильное представление о тюремной жизни.

Общество существует там, где есть свободное общение людей, а где нет свободного общения, там и разлагаться нечему. Можно даже сказать, что общество есть — свободное общение свободных людей, так как то, что Вы называете разложением Запада, показывает присутствие все большего числа людей внутренне *несвободных*, поэтому и разложение. Общение людей возможно только как соприкосновение глубинных «я» каждого человека, основания личности, души, того духовного начала, не принадлежащего видимому физическому миру. Отрыв человека от своего глубинного «я» делает невозможным общение с другим человеком. Свобода и есть неразрывная связь с этим «я». Почему во все еще относительно свободном обществе появляется такое большое число внутренне несвободных людей — вот это и есть основная проблема, над которой нам с Вами надо разбивать голову. Но для этого сперва нужно понять, что коммунизм является *последней стадией* той самой болезни раздвоения, а не излечением, и если Запад движется к катастрофе, то нет горшея чем та, что он станет тоталитарным на манер коммунистических государств, так как никаким насилием человека свободным сделать нельзя, а поэтому нельзя однопартийной диктатурой оздоровить общество.

Позвольте мне подкрепить мои утверждения и одновременно иллюстрировать то, что люди в коммунистических странах ни в коем случае не имеют иллюзий о Западе и все же тяготеют к нему, — ссылкой на самиздатского автора, ныне пребывающего в концлагере и осужденного на 15 лет заключения за попытку бегства из-за — символически сказано — «берлинской стены»:

«Оказывается, при фашистах мафия прекратила существование. Впрочем, так оно и должно быть. Всякий предельно диктаторский режим довольно успешно справляется с организованной преступностью. Личная ли то диктатура, диктатура ли то административно-партийной олигархии, она считает организованную преступность своей прерогативой и не терпит конкуренции. Можно было бы даже решиться на несколько парадоксальное утверждение, что наличие организованной преступности служит — во всяком случае пока — безошибочным индикатором демократичности общества... Организованная преступность — это подоходный налог с благ демократии, неизбежные издержки ее, как и порнография и многое другое. Или свобода печати плюс порно, или «Правда» минус порно. Старания уменьшить издержки демократии и не трансформироваться в несвободу при этом — извечная забота демократического общества» (Эдуард Кузнецов, Дневники, изд. Реуни, Париж 1973, стр. 52—53).

Дело не в том, что коммунизм, как Вы пишете, — религия земной жизни. Ведь и молитва «Отче наш», которой европейское человечество молится уже 20 веков, говорит о «хлебе насущном» и о царстве Божьем «не только на небесах, но и на земле». Дело в том, что коммунизм сие «царство Божье на земле», «царство свободы», словами Маркса, хочет осуществить силой, насилием, «диктатурой пролетариата», то есть диктатурой «авангарда пролетарского класса» — компартии. А это значит — отнятием свободы, абсолютной властью партии, раздвоением человека от своего «я», смертью общества. Дело не в цели, а в средстве. Вот почему не имеет значения, о каком коммунизме идет речь — советском, китайском, кубинском, или возможном итальянском. Там, где политическая духовная монополия, там смерть общества, совершенно независимо от идеи, во имя какой диктатура и монополия устанавливаются. Разве Вы думаете, что в Китае нет сегодня концентрационных лагерей с миллионами и десятками миллионов заключенных? Укажите мне на какое-либо явление в нынешнем Китае, которого не было в сталинском СССР.

Теперь относительно «экологической трагедии». Я надеюсь, что Вы согласитесь со мною, что человеческая мысль, человеческий дух намного ценнее, чем, например, части человеческого тела, и мне кажется, что я не ошибусь в предположении, что Вы предпочли бы быть безногим, чем кретином. И вот, когда на половине нашей планеты ежедневно безжалостно уничтожается все то, что составляет духовную сущность человека, как это происходит в тоталитарных коммунистических странах, то считать трагедией уничтожение флоры и фауны (что, конечно, тоже невеселое явление). — это значит, мягко говоря, плакать по волосам отрубленной головы. Кроме того, Вы очевидно не читаете советских газет, а потому не осведомлены о безжалостном искоренении лесов, полном истреблении рыбы в реках в индустриальных районах страны, о загрязнении даже Байкальского озера, глубочайшего в мире. Так что экологическая проблема связана с нашей технико-индустриальной культурой, а не с общественными системами, и разрешена она может быть только в демократическом обществе, так как в тоталитарных странах уничтожается единственный возможный разрешитель проблемы — дух человеческий. Не могу избежать соблазна опять сослаться на Кузнецова: «Гонение на разномыслов страшнее геноцида, — геноцид лишает людей жизни, уничтожение же инакомыслия посягает на самый смысл жизни как таковой, то есть дух...» (стр. 64).

Если бы во всем Средиземном море были уничтожены все живущие в воде рыбы, то это было бы *меньшей трагедией*, чем введение однопартийного тоталитарного строя в Италии. Восстановление жизни в море представляло бы только большое техническое затруднение, — восстановить жизнь общества, ликвидировать однопартийную монополию, — задача еще нигде не разрешена. (Кстати, поэтому так трагично происходящее ныне повторное введение дог-

матического марксистского единомыслия во все сферы жизни в Югославии, стране, годами бывшей не только в экономическом, но и в духовном смысле наименее тоталитарной из всех коммунистических стран).

Вот, кажется, и все, что я хотел сказать Вам, однако если Вы после моего ответа придете к заключению, что — свое зло понятно, а чужое — нет, как Вы написали, то до этого попробуйте сопоставить хотя бы такие факты: Вашу, и каждого итальянца, возможность, и даже публично, в печати высказать свои мнения (либеральные, коммунистические, христианские, правые и т. д.), — с невозможностью моей и всех миллиард с чем-то жителей коммунистических стран высказывать какие-либо другие мнения, кроме тех, которые провозгласил последний партийный съезд или пленум. Для Вас, как писателя, это ведь вопрос жизни. Я уже не говорю о таких недосыгаемых свободах, как возможность поездки за границу, чтения каких хочется книг и газет, участия в политических и религиозных организациях и прочего, и прочего, включая такие мелочи, как возможность покупки предметов личного потребления (даже из Югославии все еще ездят за покупками в Триест, взяв во внимание, что у нас, в отличие от других социалистических стран, паспорт не выдают только открытым инакомыслием. А Югославия, по словам, например, приезжих чехов — «настоящая Америка»). Но это, конечно, мелочи.

Попробуйте вдуматься в значение этих фактов, и тогда уж говорите, что у каждого общества свое зло, но и свои преимущества. Зло — общее, но чувствуют это, кажется, только люди в коммунистических странах, это и есть их единственное преимущество.

Уважающий Вас,

Ваш Михаил Михайлов

Новый Сад, май 1973.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ

Ответы на 10 вопросов К. Д. Померанцева для „Русской Мысли“*

1. Советский коммунистический опыт принес русскому народу много несчастий, зла и страдания. Не думаете ли Вы, что он и какие-то положительные результаты дал? Если — да, то какие?

Ответ: Если говорить о внешних, видимых результатах полувековой власти коммунистической партии в России, об индустриализации, науке, технике, экономике, культуре, искусстве, жизненном уровне, образовании, общественных нравах, общественной мысли, — то, по-моему, вопреки твердо установившемуся мнению на Западе, не говоря уж о советских пропагандистах, результат полувекового опыта резко отрицательный, даже если списать все жертвы лагерей и кровавых чисток, организованного голода и коллективизации на счет «перегибов культа личности» и «болезней роста». Однако опыт неволи и страдания, насколько бы он ни был ужасным и болезненным, срывает пленку духовной слепоты с глаз человека и тем самым открывает возможность духовного возрождения, являющегося предпосылкой всех вообще рождений и возрождений. Величайшим положительным результатом коммунистического опыта я считаю тот факт, что коммунистическая идея, а заодно и марксизм, и материалистическая философия и жизненная установка, в России, в отличие от Запада, больше в духовном смысле не существует.

Она, конечно, существует как факт реальной жизни, тысячами книг, газет и пропагандистов, резолюциями и партсобраниями, а особенно деятельностью КГБ, однако в

духовном смысле коммунизм, марксизм и материализм — мертвы. Мертвы окончательно. Тип людей, активно поддерживающих диктатуру и верящих в «правое дело» коммунизма, сменился людьми, уже не верящими в благое дело насильственного устройства общественной жизни, однако верящими в непобедимость силы и насилия. Но это уже огромная перемена в общественном сознании, так как идея комдиктатуры потеряла моральное оправдание, помогающее затушевывать голос совести. Надо быть марксистом, считающим, что «общественное бытие определяет общественное сознание», или американским бихевиористом, чтобы отчаиваться по поводу того, что общественное бытие в России все еще коммунистическое. Для меня несомненно, что зарождается новое, посткоммунистическое сознание (я его называю — «планетарным», в силу его общечеловеческого и мирового значения), пока только у небольшого числа людей, пытающихся осмыслить пережитый опыт, однако в начале всегда так бывает. Основные элементы этого сознания уже налично. Их можно заметить в упорно повторяющихся мыслях на страницах самиздатских произведений, а особенно у Надежды Мандельштам, Синявского и Солженицына. Не знаю, заметили ли читатели на Западе, что Н. Мандельштам и Солженицын эти фундаментальные положения нового сознания, являющиеся результатом осмысления пережитого опыта, называют «законами». Современная наука таких законов не знает, однако по всей вероятности придется переделывать именно науку.

Вот этот основной «закон» словами Н. Мандельштам: «У человеческой щепки, даже самой заурядной, есть таинственная способность направлять поток» (Вторая книга, стр. 187). И еще: «Внутренняя жизнь, пожалуй, в боль-

* Это интервью М. Михайлова было напечатано в «Русской мысли», № 2950, 7. 6. 1973, с сокращениями. Мы печатаем его полностью.

шей степени определяет внешние события, чем наоборот» (стр. 205). «У надежды есть особое свойство — она оправдывается, если ее сохраняют» (стр. 539). Солженицын в «Круге первом», кажется, прямо говорит о «законе», приведшем главного героя Нержина в шарашку, в которой он только и мог понять все происходящее, а понять происходящее было его самым глубинным жизненным влечением. Солженицын пишет: «Желания наши обязательно исполняются, если они по-настоящему велики» (стр. 225, микроиздание «Посева»).

Осознание неразрывной связи внутреннего мира человека (его души, а не сознания) с внешним миром, причем внутренний мир полностью определяет судьбу и все события личной жизни во внешнем мире, это и есть основное парадоксальное утверждение нового духовного опыта. Парадоксальное, потому что для поверхностного взгляда, именно мощное тоталитарное давление внешнего мира до конца определяло судьбу отдельного человека. Но вот, на этом парадоксальном, можно даже сказать — мистическом, «законе», как на несомненном факте, все время настаивают пережившие страшный опыт тоталитарного общества. И из этого основного «закона» вытекают и остальные «законы» нового сознания: «закон самоуничтожения зла», словами Н. Мандельштам, подтверждающийся кровавым историческим опытом советских чисток, в которых каждая волна террора уничтожала когорты вчерашних палачей; глубокое влечение к небытию и внутреннее отречение от свободы, законно приведшее миллионы людей сперва к единомыслию, а потом к лагерной смерти. И поэтому понятны утверждения самиздатовцев, что всякий исторический детерминизм — ложь; что не общество определяет личность, а наоборот; что быть рабом это не несчастье, а страшный грех; что невинных жертв не было; что человек, у которого все отнято, снова становится свободным (Солженицын); и что, опять словами Н. Мандельштам, — «Чувство греховности — основное богатство человека», — так как именно осознание реальной ответственности за свою и общую судьбу делает человека духовно свободным и поэтому возвращает к жизни.

А все это ведет к той коренной идее, пока еще робко высказываемой самиздатовцами (церковный самиздат — дело особое, и почему я его не считаю особенно значительным явлением — я объясняю в ответе на девятый вопрос), к идее, про которую Достоевский говорил, что без нее невозможна никакая сознательная жизнь человека, — идее, точнее вере в бессмертие души человека, той души, от которой, как показывает опыт самиздатовцев, зависит вся наша судьба и существование мира, а не наоборот.

Не только жизнь общества, а даже развитие раковых опухолей, о чем свидетельствуют Мандельштам, Бек в «Новом назначении» и многие другие. Так что новое сознание несомненно приведет к ревизии не только гуманитарных наук, а вообще науки как таковой. основной предпосылкой которой является догма о том, что законы, на которых держится все мироздание, не зависят от души человека и его онтологической свободы. Вот эта невероятная духовная революция, появление первых ростков которой в настоящее время мы видим, и есть, по моему, правда, совершенно неожиданный, но определенно положительный результат октябрьской эпохи. Перемены в человеческом сознании, которые эта духовная революция в будущем не может не вызвать, откроют двери новой исторической эпохе. В этом смысле само по себе напрашивается сравнение роли русской эмиграции (да и вообще эмиграции из всех тоталитарных стран) с ролью, которую сыграла еврейская диаспора времен первых веков христианства.

2. Не является ли сталинизм лишь естественным развитием (продолжением) ленинизма?

Ответ: Конечно, да какой тут вообще вопрос может быть? Даже марксисты, например вдувшая югославская группа вокруг журнала «Праксис», отрешиваются от Ленина, хотя все еще бьют поклоны Марксу, правда, «младшему Марксу». В то время как связь Ленина со Ста-

линым становится самоочевидной даже для не особенно требовательного ума, — ведь невозможно же указать хоть на что-нибудь в практике Сталина, чего в зачатке не было уже у Ленина, — связь Маркса со сталинизмом все еще не осознана. В этом решающую роль в будущем сыграют замечательные русские мыслители XX века — Шестов, Бердяев, Франк, Лосский, Булгаков, Флоренский и другие. Их книги окажут, и уже оказывают, огромную помощь в становлении нового сознания, посткоммунистического, которое было ими уже во многом предугадано, хотя и не в окончательных выводах. Мне хочется подчеркнуть, что посткоммунистическое сознание не тождественно с тем антикоммунистическим, к которому призывали на Западе. Между людьми, пережившими коммунизм (активно или пассивно) и осознавшими этот страшный опыт, и людьми, всю жизнь прожившими в демократических странах (эмиграция дело особое, эмиграция ведь тоже своего рода лагерь и ссылка), всегда существует невидимая, но непроходимая стена непонимания, даже когда речь идет об идеологических единомышленниках. Страшен коммунизм, страшна тюрьма, да не тем, чего боятся непрощедшие тюрьму. Чем-то другим. Об этом замечательно пишет Солженицын в «Круге первом». Поэтому я сочувствую где-то высказанной мысли Игнацио Силоне, что победить коммунизм могут только лично пережившие его.

3. Возможна ли, по-вашему, либерализация советского режима и, если — да, то до какого предела?

Ответ: Если Вы под либерализацией подразумеваете ослабление зажима в некоторых или даже во всех сферах жизни общества в СССР (хотя именно об обществе в тоталитарных странах можно говорить только условно, так как суть тоталитаризма именно в разобщении людей), то такая либерализация еще как-то возможна, и она периодически повторяется с самого Октября. НЭП — это ведь первая либерализация, потом короткий период после «Головокружения от успехов» Сталина, потом во время Второй мировой войны, потом после смерти Сталина, после доклада Хрущева на XX съезде и снова после XXII съезда. Предел такой либерализации ясно ограничен — это монополия политической власти партии. Югославия является страной, в которой компартия подошла до самой границы возможной коммунистической либерализации, еще шаг, и началась бы демократизация, а тогда пропало партийной монополии, хотя и не социализму. К сожалению, партия вовремя начала обратное движение, и до тех пор, пока в социалистических странах существует политическая монополия, всякая либерализация будет сменяться новым зажимом, при чем нет никакой гарантии тому, что следующий зажим будет менее страшен, чем предыдущие.

4. Думаете ли Вы, что коммунизм в СССР будет изжит (эволюция) или свергнут (революция)?

Ответ: По-моему, необходимо учитывать три несомненных факта, когда разговор идет о возможности окончания комдиктатуры в России. Во-первых — никакой эволюции в советском строе за полвека не произошло и принципиально произойти не может, а все перемены являются лишь периодическими волнами зажима и либерализаций. Во-вторых — еще ни один тоталитарный строй в истории не был изнутри преодолен, и надо думать, что это будет таким же чудом, как и спонтанное излечение раковой опухоли. В-третьих — поскольку под революцией подразумевать вооруженное восстание, то с одной стороны, в условиях тоталитарного режима, тем более в мирное время, такое дело немислимо, а с другой стороны, именно коммунистический опыт вызвал резкое отталкивание от насилия, с которым всякая политическая революция более или менее связана. И в то же время, как назвать появление массового Самиздата, нового духовного сознания, и сотен героических и жертвенных выступлений, заведомо оканчивающихся в лагерях и психотюрьмах? Ведь это и есть самая настоящая революция, не «разрывающая связь времен», как революции коммунистические, а наоборот, восстанавливающие эту связь. Кстати, опыт сам-

издателей внесет изменения и в наши понятия о течении времени; заметили ли Вы, как «время застывает», когда человек попадает в тюрьму (Солженицын), или — секунды, дلتы, целую вечность в ожидании ареста (Мандельштам). Так что есть надежда, что вскоре мы начнем, как само собой разумеющееся, понимать такие слова Апокалипсиса, что сперва будет «полвремени», потом «четверть времени», а потом «времени вообще не будет». А ведь тюрьма — это и есть «раздвоение», разрыв связи времен, когда остается только застывшее, мертвое, бесконечное время. «Полвремени», это уже дорога к свободе. Поэтому процесс освобождения России мне мыслится более похожим на борьбу и победу христиан в Римской Империи, чем на результат деятельности эсеровской «боевой организации». В этом смысле, трудно переоценить значение самого факта появления Комитета прав человека Сахарова и Чалидзе. Рост правосознания, требования законности — краеугольные камни в идейной и политической борьбе с тоталитарной диктатурой, которая сама по себе, даже в теории (Ленин), является отрицанием именно законности.

Хотя, конечно, нельзя исключить возможность мятежей и внезапных взрывов, которые вряд ли приведут к окончанию диктатуры, однако могут ускорить процесс внутреннего изживания тоталитаризма. Западным пацифистам, мечтающим об установлении прочного мира «во всем мире» и в то же время не желающим вмешиваться во «внутренние дела» тоталитарных стран, надо было бы учесть, повидимому, опять парадоксальное утверждение, впервые высказанное Пастернаком в «Докторе Живаго», а потом Надеждой Мандельштам, Ахматовой и другими, что Вторая мировая война, со всеми своими жестокостями и ужасами, принесла внутреннее *освобождение* подсоветским людям, и время войны явилось единственной *светлой* полосой во время единовластия Сталина, благодаря тому, что, как пишет Н. Мандельштам, «избавила от раздвоенности, характерной для мирной жизни» (стр. 73). Значение этого свидетельства еще не оценено. Никаких «внутренних дел» на нашей планете больше нет и не может быть, что, впрочем, не значит, что я стою за «холодную войну». Наоборот, расширение торговых связей и увеличение числа контактов с несвободным миром открывают большие возможности правдивой информации — опаснейшего врага партийной монополии, и в то же время являются прекрасным лечебным средством для многих наивных людей на Западе, искренно желающих знать правду.

5. *Желательно ли, чтобы на смену коммунистической диктатуре в СССР пришел демократический строй западного образца?*

Ответ: Поскольку Вы под демократическим строем западного образца подразумеваете правовую организацию общества, обеспечивающую реальную свободу слова, политических и профсоюзных организаций, свободу собраний, печати, религиозных верований и свободу экономического творчества, — то такой строй после чаемого выздоровления тоталитарных обществ не только желателен, но и единственно возможен, благодаря тому, что преодоление тоталитаризма происходит исключительно на путях духовного раскрепощения, являющегося фундаментом именно демократического строя.

Однако, поскольку под «западным образцом» Вы подразумеваете современную организацию экономической и политической жизни западных стран, частную собственность на средства производства, словом — капитализм, или неокapитализм, — то мое мнение, что такой путь для посткоммунистических обществ и невозможен и нежелателен. Социализация экономической жизни происходит в тех или иных формах во всем мире, и центр тяжести вопроса о свободе или рабстве (а значит, о жизни или смерти человечества) полностью переходит в сферу политической организации общества, причем вопросы экономической собственности отходят на второй план. Демократический правопорядок только исторически связан с капитализмом, как и тоталитарный с социализмом. Возможности демократии в социалистическом обществе (не

в однопартийном, конечно) намного больше, чем в капиталистическом. Нельзя забывать того, что все недуги тоталитарного строя начались уже в капитализме и лишь получили окончательное завершение в коммунистическом обществе: создание огромных промышленных и торговых монополий, религиозный индифферентизм, потеря ценностных критериев в жизни личности и общества, слепая вера в прогресс и всемогущество науки, полное отрицание свободы человека (чего только стоят книги таких западных ученых, как американский психолог Скиннер да французский биолог Монно) и многое другое, реально угрожающее срывом Запада в орвелловский мир.

6. *Каких советских писателей (исключая Солженицына) Вы считаете наиболее обещающими?*

Ответ: У меня такое чувство, что первый период расцвета Самиздата подошел к концу. За последние десять лет картина русской литературы полностью изменилась, однако, самые талантливые — Солженицын, Н. Мандельштам, Синявский, да и Окуджава, и Померанц, — люди уже не молодые, и сказанное ими было вынашиваемо годами и десятилетиями. Переоценить их творчество невозможно, и я даже не могу избежать соблазна провозгласить, что в наше время в мире по-настоящему значительна только русская мысль, русская самиздатовская литература.

Возьмите, например, блестяще написанную, но такую легковесную по сравнению с воспоминаниями Надежды Мандельштам книгу «Ангимемуары» Мальро. А ведь Мальро совсем не поверхностный человек, да далеко ему до духовной глубины и наблюдательности этой умнейшей женщины нашего времени. Вот по ком плачет Нобелевская премия!

И тем не менее, трудно говорить о «наиболее обещающих писателях». Их не видно. Самые яркие фигуры из молодых или в тюрьме, или в психичке, да и за границей. Волна самиздата выхлестнула из глубины десятилетиями накапливаемые духовные сокровища, однако ни о каком нормальном росте и течении русской литературы все еще не может быть и речи. По всей вероятности мы находимся на пороге нового зажима власти, во время которого, уже не десятки и не сотни, а тысячи и тысячи усвоят духовный опыт и новое сознание, выявленное в самиздате прошедшего времени. А результат этого подспудного дела будет виден лишь во время следующей оттепели. Но придут положенные сроки, может быть, на много раньше, чем это нам теперь кажется...

7. *Чем Вы объясняете возникновение «левых коммунизмов»?*

Ответ: Причины появления «левых» коммунистических течений те же самые, что и причины появления всех тоталитарных движений в нашем столетии — советского и китайского коммунизма, немецкого национал-социализма, итальянского фашизма и т. д. Болезнь по существу одна и та же, однако в зависимости от национального духа и исторических традиций принимает разные формы и разное направление. Корень болезни в отрыве человека от глубин собственного духа (раздвоение, отчуждение), а поэтому и от реального, живого соприкосновения с ближними. Невыносимое одиночество и потеря ощущения смысла жизни, этим вызванные, толкают на путь мнимого, так как дело идет не об основных, а о внешних, второстепенных реальностях, — воссоединения с другими людьми на основе идеи расовой, классовой, национальной. Отсутствие истинной духовности волею-неволею замещается псевдодуховностью, и в мире, в котором нет Франциска Ассизского или Сергия Радонежского, конечно никакой современный обыватель не выдерживает сравнения с Чеховым.

Чем это кончается, мы хорошо знаем, однако, к сожалению, еще не известно, существует ли способ излечения менее болезненный, чем тот, которому был подвергнут русский народ (попробуйте, суньтесь-ка теперь с «левым коммунизмом» в Россию!). Это и есть основной вопрос, от которого зависит судьба Запада. Какую роль в появлении

болезни, то есть в причинах отрыва, играет современная бездуховная индустриальная культура, а особенно вера во всемогущество науки, природно-исторический детерминизм, прогресс, — это другой вопрос, тем более, что вся наша цивилизация уже во многом является *последствием* отрыва от глубин жизни. Та, молодежь на Западе приевшаяся «свобода от», без того «для чего», — показывает, что уже свободы нет, уже нет внутреннего контакта с духом, — что и есть свобода (ведь и в драмах Самуэля Беккета время застыло на нулевой позиции), а поэтому тоталитаризм, приходящий на смену ненужной «свободы от» — только внешнее последствие внутреннего рабства.

Тот факт, что «новая левая» вдохновляется маоистским Китаем, а не «ревизионистским» СССР, совершенно закономерен и именно показывает, что почва, на которой развивается тоталитаризм — болезнь духа, та тяга к самоуничтожению, о которой пишет Н. Мандельштам. Кажется, эта болезнь только набирает силу на Западе. Максимум китайской компартии, фанатизм и псевдорелигиозность, конечно, являются более сильными притягательными центрами, чем постсталинская, обезвешившаяся в коммунизм Россия, историческим традициям которой («московские цари») и «левые» и «правые» коммунисты приписывают все грехи диктатуры. «Левые», очевидно, считают, что исторический Китай, по сравнению с Россией, был демократическим государством, а «правые» западноевропейские и ревизионистские коммунисты забывают, что, например, короткая диктатура якобинцев вполне по-ленински-сталински залила кровью культурнейшую столицу мира. Вообще, первый симптом духовной слепоты наших современников в нежелании видеть факт, что диктатура сама по себе, вне зависимости от ее идей, людей и принципов, ведет прямо к смерти общества.

Впрочем, хотя и верно, что эпоха тоталитаризмов началась с русского человека Ленина-Ульянова, и если русским приходится испытывать стыд за то, что именно в русском народе появился гробовщик таких мировых масштабов, то стыд этот смятчает то обстоятельство, что поклонение Ленину и «революционному насилию» присуще в других народах именно тем людям, которые «неудачу построения коммунизма» в России объясняют русской исторической традицией.

8. Возможно ли «самоуправление» в высокоразвитых странах?

Ответ: Это зависит от того, что Вы подразумеваете под самоуправлением. Нынешняя популярность самого слова говорит о том, что оно становится словом-символом, какими являются слова: революция, свобода, братство, равенство и т. д., выражающие всегда какие-то глубинные стремления человека, однако в практическом осуществлении зачастую приводящие прямо к противоположным результатам.

Поэтому необыкновенно важно уточнить, о чем идет речь в конкретном осуществлении. Поскольку теперь, особенно в среде социалистов на Западе, самоуправление мыслится как идея свободного общества, осуществляемая в производственно-экономической сфере (рабочие, работающие на определенном предприятии, являются его собственниками и по своему усмотрению распоряжаются производством, прибылью, «прибавочной стоимостью», капиталовложениями и т. д.), — то приходится повторять, что это полное недомыслие в лучшем случае, а в худшем — демагогия. А все это благодаря марксистской догме о том, что политика является лишь «надстройкой над производственными отношениями».

Во-первых, такое «самоуправление» ничего не говорит о политической организации общества в целом, то есть о том, как избежать предвидений Г. П. Федотова (в его замечательной книге «Христианин в революции»), что «Борьба кооперативов не менее страшна, чем борьба личных предпринимателей», а это, впрочем, подтверждает и югославский опыт.

Во-вторых, такое определение самоуправления ничего не говорит об организации власти и самого управления в предприятиях, то есть опять же обходит вопрос полити-

ческий. Монополия одной группы так же возможна на одном заводе, как и в многомиллионном государстве, где тоже все трудящиеся являются «собственниками» на все средства производства.

В-третьих, наша индустриальная культура становится настолько объединенной и взаимозависимой от своих составных частей, что остановка или только замедление в работе одного завода вызывает паралич десятков и даже сотен других промышленных предприятий, так что о каком-либо самоуправлении в сфере производственной говорить не приходится и решение даже технологических вопросов переносится в сферу политическую. Говоря словами Федотова — «При всем могуществе экономических сил в наш „материалистический“ век они оказываются подчиненными силам политическим...». Впрочем, я о проблеме самоуправления подробнее писал именно в «Русской мысли» год тому назад, и мне не хочется повторять все доводы против него.

Если бы в самом деле была осуществлена некогда высказанная Хрущевым, не знаю уж с какими целями, идея о разделении КПСС на две части — аграрную и промышленную, что в пределе вело к ликвидации политической монополии в жизни страны, то значение этого в деле демократизации социалистических стран было бы несравнимо большим, чем сотни югославских однопартийных самоуправленческих социализмов.

Так что понятие самоуправления может иметь некоторое реальное значение только в смысле *политического* самоуправления, политической демократии, на Западе ограниченной экономической властью больших капиталистических монополий и военно-индустриальных комплексов, а на Востоке диктатурой компартии. Другое дело вопрос о том, насколько наша технико-индустриальная культура сама по себе поработочает человека, даже при чаемой самой благоприятной экономической-политической демократии. Тут мы возвращаемся к Вашему первому вопросу, к той, уже надвигающейся духовной революции планетарного сознания, к религиозному возрождению, которое, если не все обманывает, изменит цели и направление развития нашей культуры в такой степени, что все наши теперешние вопросы, заботы, идеологические и социально-политические стремления потеряют всякий смысл, как теряет всякий смысл вся наша современная психология в отношении к парапсихологии. Обо всем этом я пишу в книге «Ненаучные мысли», над которой работаю уже четвертый год, однако мне не хочется прежде времени и урывками высказывать идеи и мысли, лежащие в основе этой работы.

9. Считаете ли Вы, что коммунизму (как полагал Бердяев) может быть противопоставлено лишь обновленное христианство, которое уже не будет «частным делом»?

Ответ: Мне кажется, что я уже в некотором смысле ответил на Ваш вопрос, однако добавлю, что христианство никогда и не было «частным делом», и в положительном смысле — как победа над смертью (этим окончательным раздвоением, «вечной ссылкой», словами Солженицына) для всего живого в мироздании, и в отрицательном смысле — как историческая, слишком человеческая деятельность церковных организаций, породивших, в некотором смысле вполне законно, Святую Инквизицию. Кстати, именно отрицание «частных дел» показывает псевдорелигиозный характер всякого тоталитаризма, а это-то именно и привлекает молодежь безрелигиозного мира, в котором только и есть «частные дела» («свобода от»).

Я совсем не уверен в том, что ныне существующие Церкви, включая советские подпольные, сыграл значительную роль в грядущем религиозном возрождении. Христианская проповедь в языческом мире была делом нетрудным по сравнению с религиозной проповедью в современном мире, и западном, и восточном, в мире, в котором благодаря наукообразной вере в космический детерминизм стали совершенно непонятными даже сама идея Вседержителя и Творца неба и земли, понятия греха и опасения, ада ирая. Легко было апостолу Павлу в Афинах утверждать, что «Бог неизвестный» — это и есть

Иисус Христос. У греков ведь было совершенно определенное понятие богов, этих всемогущих сознательных сил, ведающих судьбами людей. А у нас ведь теперь, одни, равнодушные к человеку, вечные законы природы и материи, а уж о душе, да еще бессмертной, серьезному человеку и заикаться не следует.

А Церкви говорят словами давно забытыми, и даже евангельские притчи, выражающие самые глубокие духовные откровения простым языком, понятным неграмотным палестинским пастухам, вскоре станут совершенно непонятными, отвлеченными и требующими большого подготовительного учения для поколений, выросших в больших городах и никогда не имевших возможности видеть живого ягненка или виноградную лозу. О церковных службах и обрядах и говорить не стоит. Стыдно признаться, но не могу умолчать, что я, например, несколько раз заново разбирался в смысле и символике церковной службы и потом опять забывал, так же, как и значение многих терминов в индуистской философии. А ведь некогда язык христианской Церкви был понятен самому необразованному человеку.

И вот, *новый язык для старого Откровения*, — который по-моему уже начал намечаться у Достоевского («стена законов природы» и «миру ли провалиться или мне чай пить» в «Записках из подполья», «вечность — баня с пауком» в «Преступлении и наказании», «Богородица — мать сыра земля» в «Бесах», «касание миров иных» в «Братьях Карамазовых и т. д.), хотя у него, конечно, довлеет традиционная христианская символика и лексика — начинает прорываться в произведениях самиздатских авторов. Это те таинственные «законы», о которых я упомянул, понятные сразу нашему современнику, с колыбели привыкшему видеть мир и самого себя опутанными в сетку бесконечного числа «законов природы», из которых нельзя выпутаться, но которые, однако, можно использовать «поклонившись им», то есть осознав их, хотя эти законы все равно как-то продолжают полностью определять судьбу человека, не обращая никакого внимания на его желания и душевные влечения. И вдруг появляются новые «законы», устанавливающие связь между самыми глубинными душевными влечениями и внешним миром — religio — это ведь и означает «связь» — и как странно, законы внешнего мира начинают осуществлять самое главное, к чему человек, часто не сознавая того, стремится. Когда человек стремится к какой-нибудь цели и верит в нее, то и цель движется к нему, прямо по пословице «на ловца и зверь бежит». По каким-то неведомым «законам» бежит, а не случайно или по какому-то реакционному «Божьему велению». Так «случай» претворяется в «закон», а закон ведь понятней нашему современнику чем — Бог. И этот новый язык вводит в сознание человека тот факт, что существует некая определенная связь между внутренним миром человека, между — верой, надеждой, любовью, и внешним миром, и что внутренний мир «законно» влияет на мировую жизнь. Говоря евангельским языком, это и есть: «Будет вам дано по вере вашей...».

Только дело тут не в простом переводе со старого на новый язык (почему и являются тщетными все усилия Католической Церкви «осовременить» Откровение), а в

заново пережитой на собственном опыте верности вечных таинственных истин древней книги. Вот каким страшным путем такие «законы» даются.

10. *Если самое главное — это осознание личностью своего бессмертия, своей неповторимости и своей зависимости от внеисторического Центра, как и что она должна строить в истории, где все повторяемо, конечно и зависимо от внутриисторических центров?*

Ответ: В том-то и дело, уважаемый Кирилл Дмитриевич, что падение человека началось с того момента, когда он поверил в то, что все в истории зависимо от внутриисторических центров, а не от внеисторического. Да и не люблю я этого слова — «строить». Напоминает то Вавилонскую постройку, то сталинские стройки. Вообще, все, что человек строит, настолько бедно по отношению к уже построенному в жизни природы, что у меня невольно зарождается сомнение в том, насколько были правы богословы новейшего времени (особенно католические после Тейяра де Шардена), назвавшие научно-техническое покорение природы «сотрудничеством с Богом», а не дьявольским делом. («Imitatio Dei»).

В древней книге часто идет речь о том, что самое важное обратить главное внимание на внеисторический центр, находящийся внутри нас, а остальное приложится. Конечно, Вы можете возразить, что именно этот внеисторический центр настоятельно требует неких внутриисторических действий и построек. Ну что же, тогда нужно идти за этим внутренним влечением, даже если никто и никогда в истории не шел таким путем, даже если этот путь требует принесения в жертву не только себя, но и любимого сына. По какому-то «закону» рука, поднимающая нож, будет вовремя остановлена, конечно, если человек замахивается не из злобы, а по вере, какую имел Авраам. И наоборот, если, например, бедный, талантливый студент, под давлением внешних неразрешимых обстоятельств, не веря ни в какие внеисторические центры и их власть на небе и земле, научно разрешит вопрос о том, что полная польза и даже спасение многим молодым и хорошим людям принесет ликвидация дрянной старухи процентщицы, то какой-то «закон» будет ему *помогать* в осуществлении убийства. Это и есть связь внутреннего и внешнего миров. Не «базис и надстройка», даже не они — перевернутые на голову, не психокосмический параллелизм, а что-то такое, для чего у нас пока нет названия, а что самиздатовцы называли «законом».

Есть ли критерий, подтверждающий, что человек следует за внеисторическим центром и идет по правильному пути, а не за миражем в ослепленных глазах? Да, есть, о нем говорит старец Зосима, конечно, опять у Достоевского: «Для счастья созданы люди, и кто вполне счастлив, тот прямо достоин сказать себе: я выполнил завет Божий на сей земле. — Все праведные, все святые мученики были все счастливы».

Вы когда-нибудь встречали счастливого фашиста или чекиста? Тут ведь такая же разница, как между наслаждением манакального садиста и любовью.

Михаил Михайлов

Новый Сад, апрель 1973.

В. ПИРОЖКОВА

Послесловие

Мне хочется написать несколько слов относительно некоторых мыслей, высказанных М. Михайловым. Он говорит о глубоких «законах бытия», которые люди, прошедшие в России страшную школу, понемногу нащупывают. Эти «законы» совпадают с вечной мудростью Библии и Евангелия, но только то же самое, что и там сказано, выражается теперь более понятным для современного человека словом «закон».

Я надеюсь, что я ничуть не умалю того важного и в известном смысле нового, что сказал в этом интервью Михайлов, если укажу на то, что о глубоких внутренних законах жизни, не совпадающих, конечно, с теми законами, которые открывает точная наука, уже говорилось и писалось. Но я должна оговориться: в самом деле слова «закон» в этой связи я не помню, хотя по существу говорилось именно о законах.

Из современных западных авторов больше и глубже всего писал об этом скончавшийся 5 лет тому назад немецкий философ и богослов итальянского происхождения Романо Гуардини. Может быть, поэтому он так глубоко понял Достоевского. Из всех прочитанных мною книг о Достоевском я считаю самой глубокой его книгу «Religiöse Geschtalten in Dostojewskijs Werk». По моему мнению ни один из русских авторов, писавших о Достоевском, не смог так глубоко проникнуть в творчество этого необыкновенного писателя и мыслителя, как Романо Гуардини. Этим я хочу сказать, что и среди людей, не переживших коммунизма, могут быть мыслители, проникшие в эту глубину. Но я согласна с Михайловым, что именно в наше время это исключение.

К Романо Гуардини я еще вернусь. Сначала мне хочется сказать несколько слов об одной особенности этих законов, общей, между прочим, и с теми законами природы, которые мы уже давно привыкли называть законами.

В своей статье о Тейяре де Шардене, помещенной в прошлом номере «Зарубежья», я привела цитату из одной его речи. Тейяр, перефразируя слова Евангелия о любви к ближнему, говорит: «Любите друг друга, познавая в глубине каждого из вас становление того же самого Бога. Эти 2000 лет тому назад впервые сказанные слова оказываются значительным структурным законом того, что мы называем прогрессом и эволюцией». Оставим в стороне изменение евангельского текста, которое так критиковал Бенц. Но не говорят ли слова Тейяра о том, что любовь к ближнему, как будто бы совсем субъективное чувство, становится мировым структурным законом? Да, это — интересная мысль. Но на мой взгляд понятие Тейяра о законе, действующем в мире, высказанное в этих словах, так же отличается от того, что имел в виду М. Михайлов, как «закон» развития истории, проповедуемый марксистами, отличается от действительно существующих закономерностей в истории и от законов природы. С другой стороны, понятие закона развития у Тейяра полностью совпадает с таковым марксистов. Содержание этих законов совсем иное, но сущность, а также результат их действия в истории совершенно тождественны. Попробую это объяснить.

Представители исторического материализма утверждают, что знание законов исторического развития не делает человека рабом. Напротив, только зная эти исторические законы, он может взять историческое развитие в свои руки, может его планировать. Место спонтанной истории заступает планируемая история. При этом марксисты указывают на законы природы и на то, что человек, познав их, становится от них менее зависимым, чем до того. Он может использовать их по своему желанию. В то же самое время советские марксисты утверждают, что человечество с необходимостью движется к коммунизму. Действия людей могут, правда, задержать это движение, но они не в силах его изменить, не в силах поставить себе другую цель и достигнуть ее.

Однако владение законами природы и заключается в том, что человек может ставить себе совсем различные цели и достигать их, применяя те же самые, известные ему, законы природы. Разрешу себе привести цитату из моей книги «Freiheit und Notwendigkeit in der Geschichte», München, 1970.

«Относительно этих утверждений следует заметить, что одно знание законов природы не делает нас повелителями природы. Ими мы можем стать, владея возможностью применять эти законы для различных целей. Но кто определяет эти цели? Видимо, мы сами, и притом свободно в отношении к законам природы, иначе нельзя было бы говорить о господстве над природой. Одно знание законов мне ничуть не поможет. Наоборот. Если я, например, падаю со скалы в пропасть, то я сознаю, что согласно закону тяготения я должна падать, но это знание не только не делает меня свободной (свобода есть, по Энгельсу, познавая необходимость) от этого закона природы, но, напротив, лишает меня последней надежды, что мое падение может как-нибудь само собой прекратиться. Зна-

ние закона тяготения может мне помочь только в том случае, если я могу употребить его согласно моей воле. Так я могу быть очень осторожной и избегать всякой возможности срыва со скалы, или же я могу броситься вниз добровольно с целью покончить с собой. После открытия закона расщепления атома люди могут употребить его для того, чтобы сделать как можно больше атомных бомб и потом применить их друг против друга с тем результатом, что большая часть человечества будет уничтожена. Или они могут отказаться от изготовления атомных бомб и вместо этого облегчить жизнь людей с помощью дешевой атомной энергии. Один и тот же закон природы может быть использован для совершенно разных целей и дать в соответствии с этим совсем различные результаты. Закона нельзя обойти, но разве его применение преддетерминировано? Это отрицают и марксисты.

Но не обстоит ли дело так же и с законами социологии, если здесь вообще можно говорить о законах в смысле законов природы? И здесь можно сказать самое большое «если» — если эта революция совершится, то она будет подчинена известной закономерности. Но нельзя с уверенностью предсказать, что эта революция совершится. Поэтому не бессмысленно ее планировать, но и не бессмысленно стараться ее предотвратить. Конечно, для ее успеха должны быть выполнены известные условия, но нет абсолютной гарантии ни того, что она разразится, ни того, что она будет иметь успех. Теперь это признают и марксисты. Революции не представляются больше неизбежными при переходе от капитализма к социализму. Путь, как это было уже указано, в значительной мере изъят из детерминации, но цель остается строго преддетерминированной. Только в этом смысле марксизм может говорить о «строгой детерминации». Но может ли строго преддетерминированная цель всего развития человечества совмещаться с господством над социологическими закономерностями и возможностью со знанием дела и свободно принимать решения?» (стр. 196—197).

Это, очевидно, невозможно. (Человек в глазах марксиста остается несвободным, он остается частичкой космоса, которая согласно общему закону движения идет к кульминационному пункту человеческой истории — коммунизму. Независимо от их воли люди путем развития производительных сил и производственных отношений, в конце концов, будут приведены к коммунизму. Конечно, все это произойдет через людей, так как производительные силы и производственные отношения делают обход через деятельность человека, но все же человек будет принужден развитием событий достигнуть рая. Или, как писал Синявский-Терц: «Гениальное открытие Маркса состояло в том, что он сумел доказать, что земной рай, о котором мечтали многие и до него, — это цель, предназначенная человечеству самой судьбой» (Что такое социалистический реализм? в «Фантастический мир Абрама Терца», Париж, 1967, стр. 406). Конечно, марксисты дают этому длинные объяснения, которые мы не можем здесь подробно разбирать, но сущность дела именно такова.

Совершенно поразительны параллели к Тейяру де Шардену. Он тоже не ставит свой закон под условие «если» — если люди примут благую весть, если они обратятся и т. п. Напротив, он считает, что любовь в ходе неизбежного развития сама собой станет структурным законом человеческого общества и приведет человеческие молекулы, независимо от их воли, к совершенному обществу, пункту Омега.

Свобода человека, тот, по Достоевскому, «страшный дар», который налагает на человека такую великую ответственность, с него снимается. Конечно, большая разница в том, направляют ли человека и его общество к его «счастью» производительные силы и производственные отношения, или же это делает Бог, но автоматизм достижения счастья остается. В обоих случаях действует общий глобальный закон, который без согласия и ведома людей ведет их к преддетерминированной цели. Осознают люди этот закон и будут сознательно действовать в его смысле — хорошо. В этом случае они достигнут вершины совершенства скорее и ровнее, без борьбы и особых трудностей.

Если же большинство из них этого общего закона не поймет и будет ему в своем неразумии сопротивляться, то достижение конечной вершины произойдет не так скоро, с большими трудностями и борьбой, но все же человечество дойдет до преддетерминированной цели путем автоматической эволюции. Вот в этом-то и заключается сходство между марксистами и Тейяром, хотя марксисты, конечно, никак не могут признать, что эволюция направляется Богом, а потому после некоторых попыток приспособить Тейяра к своим целям должны были от этого отказаться. Скорее Тейяр мог думать, что марксисты — его заблуждающиеся единомышленники, которые признают автоматическую эволюцию, но не поняли еще ее настоящей движущей силы.

Совсем иначе рассматривает законы М. Михайлов, ссылаясь на авторов из России. У человека такая большая свобода и такая большая ответственность, что он может создавать вокруг себя из самого себя свой мир, и миры двух людей, даже рядом живущих, не похожи друг на друга. Надежда Мандельштам пишет: «Внутренняя жизнь, пожалуй, в большей степени определяет внешние события, чем наоборот» и «У человеческой щепки, даже самой заурядной, есть таинственная способность направлять поток». Для сравнения я хочу привести слова Р. Гуардини: «Предположим, перед нами сильный, бесстрашный и великодушный человек, идущий своей дорогой и полный спокойного доверия, а вот другой, себялюбивый и одновременно боязливый, старающийся лавировать, хитрить — похожи ли миры этих двух людей друг на друга? Очевидно нет. У них различный нравственный характер и различный склад; больше того, в одном мире возможны происшествия, которые никогда не могут произойти в другом. Создается впечатление, как будто все окружающее ведет себя в этих мирах различно. В одном все свободно, все устраивается легко, даже неудачи несут отпечаток ясности и величия, в другом все непроницаемо и полно внутреннего сопротивления. Или: вокруг человека, полного любви, желающего всем добра, жизнь цветет. Цветы расцветают, животные доверчивы, дети чувствуют себя хорошо. От себялюбивого и жестокого все запирается, забронировывается, бежит, а если не может бежать, то вянет и гибнет. Или: у человека, имеющего «легкую руку», все идет легко, радостно и плодотворно. Он оптимист и не понимает, как другой может предполагать в мире так много дурного. Он не знает, что этот последний своей натурой как бы вызывает против себя сопротивление и создает грудности.

Все это означает, что судьба человека лишь отчасти определяется внешними событиями, частично же, — и, может быть, в самом главном — она определяется изнутри, самым существом и духовной направленностью данного человека. Народная мудрость знала всегда, что «каждый сам своего счастья кузнец», что с ним может случиться не все, что угодно, но нечто определенное, вытекающее из его внутреннего содержания. Таким образом, и судьба человека меняется, если меняется он сам. Достаточно пронаблюдать, что происходит, когда себялюбивый человек полюбит кого-нибудь» (Познание веры, Провидение, Брюссель, 1955, стр. 71).

Гуардини говорит дальше, что и осуществление Царствия Божия на земле зависит от этого «если», предоставленного человеку и его свободному решению. Если человек повернется к Богу, то жизнь такого человека «становится открытыми вратами для творчества в Боге. Бог — не в том смысле, в каком Он держит в своей руке — существование мира и делает его выражением своей творческой воли, но постольку, поскольку Он хочет создать «новое», «Царство Божие» — как бы стоит перед дверью мира и требует входа. Каждое человеческое сердце — каждое, ибо оно единственно, незаменимо и необходимо — является такой дверью мира. Вступает оно в единение веры и доверия, начинает искать прежде всего Царствия Божия и правды его, тогда дверь открывается и Бог начинает свое творчество» (стр. 73).

А если человек примет обратное решение? «Если, например, бедный талантливый студент, под давлением

внешних неразрешимых обстоятельств, не веря ни в какие внеисторические центры и их власть на небе и на земле, научно разрешит вопрос о том, что полную пользу и даже спасение многим молодым и хорошим людям принесет ликвидация дрянной старушки-процентщицы, то какой-то «закон» будет ему помогать в осуществлении убийства» (М. Михайлов).

Мы видим, как далеко отстоит то, что говорит Гуардини о возможном осуществлении царства любви на земле, от того, что об этом же говорит Тейяр де Шарден. Здесь нет тейярдовского автоматизма. Его и не может быть. «Закон» дан в руки самому человеку. Решится он обратиться к добру — и закон будет ему помогать. И, наоборот, приняв решение убить, он получит помощь тоже от закона. Каждое решение к добру и каждый поступок в этом смысле утверждает и укрепляет его в структуре и в судьбе его жизни, направленной по этому пути. Но, приняв решение убить и получив для этого помощь, человек утверждает себя на пути зла. И это тоже закон, потому что человек каждым своим решением, большим и маленьким, каждый день определяет, как бы творит, самого себя, приближая себя к тому образу и подобию, которое задумано относительно него Богом, или, наоборот, отдаляя себя от этого образа. Владимир Соловьев говорит, что не следует смеяться над тем, что влюбленные идеализируют предмет своей любви. Такой человек оком любви проникает через внешние покровы и видит смутные очертания того образа любимого человека, который предусмотрел для него Бог. Любящим не следовало бы потом допускать срыва в разочарование, когда станет ясно, что любимый человек сейчас, в его эмпирической действительности, совсем не такой, каким он представлялся влюбленному. Имея перед глазами образ первого прозрения, следует взаимно помогать друг другу становиться все более похожими на этот образ (В. Соловьев, Смысл любви).

Встанет человек на другой путь — утвердится и эта структура, и сломить ее, совершить поворот будет уже нелегко. Однако при твердом решении, при сильном желании добра и здесь будет оказано достаточно помощи для преодоления заострившихся структур.

Вот еще насчет желаний. Всегда ли исполняются сильные желания, как пишет Солженицын. По моим наблюдениям отдельные, конкретные, определенные желания не исполняются, как бы сильны они ни были, если они стоят в разрез с основным желанием человека, его основной жизненной линией, линией, определенной им самим. И тут действует закон, который неизбежно охраняет человека от исполнения его отдельных конкретных желаний, которые, если бы они исполнились, прервали и нарушили бы его основную, им уже избранную линию жизни. Сам человек этого может не замечать. Он может думать, что то или иное его сильное конкретное желание никак не стоит в противоречии с его основной жизненной линией, но если это не так, как он думает, то неисполнимость его желания покажет ему его ошибку. В этой мысли нет фатализма, потому что в самом начале стоят все же решения самого человека, решения, принятые сознательно, полусознательно или даже подсознательно, но утвержденные уже многими фактическими поступками, решения, определившие его основную линию жизни. Человек может принять новое решение, пересмотреть и переменить свою линию жизни, но пока этого не произошло, исполняться будут только те желания, которые не находятся в противоречии к основной жизненной линии этого человека. Но ведь когда Солженицын говорит о *глубинном* жизненном влечении Нержина понять то, что происходит, он и имеет в виду определение основной линии жизни, в которой произойдут тогда конкретные события, самим человеком даже и не предусмотренные, которые помогут осуществить эту самую линию жизни. Я думаю, что это действительно непреложный закон.

Растущее понимание этих законов и глубинной связи между душой и внешним миром, а также и определяющая роль души, — все это выявляет с беспощадной ясностью свободу и ответственность человека, то сознание реальной

ответственности за свою и общую судьбу, о которой говорит Н. Мандельштам. Это нечто совершенно противоположное поверхностно-оптимистическому «общему закону» марксистов и Тейяра, который якобы автоматически ведет людские марионетки или «молекулы» к совершенному обществу. Поэтому-то то, что открывают Солженицын и

Мандельштам, «делает человека духовно свободным и ведет к жизни», поднимает достоинство человека, тогда как автоматизация, снимающая с человека ответственность, унижает его. В марксизме это унижение человека чувствуется чрезвычайно остро, но духовно чуткие люди ощущают его и в менее примитивном автоматизме Тейяра.

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

Размышления над „Откровениями Вельского“

Иногда произведение искусства, рассматриваемое издали, производит отрадное впечатление, однако при более пристальном изучении обнаруживает незаметные издалека изъяны. Нечто подобное я пережил при повторном чтении самиздатского эссе под названием «Откровения Вельского», напечатанного в номере 75-м журнала «Грани». Так как темы, затронутые там, сами по себе весьма значительны, мне захотелось поделиться с читателями соответствующими соображениями и замечаниями.

1.

Во-первых, возникает вопрос, что это за произведение? Подлинный дневник или попросту литературный жанр, нечто вроде гоголевских записок сумасшедшего? В условиях самиздатского творчества возможно, что автор избрал апокрифический прием в целях мимикрии. Не решив этого вопроса, трудно избрать критическую мерку. Если это подлинные мемуары, то с его автора и взятки гладки: как критиковать бред сумасшедшего? Если же за псевдонимом Вельского скрывается литератор, то он подлежит суду, литературному и философскому, весьма строгому, ибо затрагивает весьма серьезные темы. Я лично склонен думать, что мемуарная форма этого произведения — лишь литературный прием. Как-то мне подсказывает это моя интуиция. Возьмем, например, маленькую деталь: на стр. 61, после абзаца «Остался один крик, крик обреченного — его никто не услышит, нет никого в мертвой звездной вселенной, небо пусто, Бога нет, Бог — Ничто, все ничто» — следует междоуметие, заканчивающее весь параграф: А-а-а!!! Если бы сумасшедший, дошедший до подлинного истошно-отчаянного крика, был сумасшедшим на самом деле, то он кричал бы, а не записывал свой крик междоуметием «А-а-а!!!». Этот прием законен под пером человека, описывающего состояние другого человека или же героя произведения. Но, может быть я ошибаюсь. Опровергаются, ведь, самые очевидные гипотезы, как это доказал нам Коперник! Возможно, что в основу этого произведения лег какой-то аутентичный материал. Изобразительность иногда достигает такого рубежа, с которого возможен вид на обе стороны перевала. Говорят же иногда о картине: «Этот пейзаж, как живой!». И, наоборот, выражают восхищение видом словами: «Совсем, как на картине!». Такое амбивалентное положение, в моих глазах, занимают и «Откровения Вельского». Но, допустим, что моя интуиция меня не обманывает, и посмотрим, какими достоинствами это произведение отличается.

2.

«Откровения Вельского» состоят из трех частей: Апологии, Патологии и Заметок. Можно даже сказать — из двух частей: Апологии и Патологии с заметками. Кстати, вот уже второе произведение, полученное здесь из СССР, с псевдонимозаветными названиями (недавно было напечатано в «Гранях» *Дисангелие*). (Вельский, в подtitule к своей Патологии пишет: «Мое Евангелие и мой апокалипсис. От Вельского святое благовествование»).

Первая часть, Апология, повествует о жизни автора в Советском Союзе и о том, как он совершил предательство. Хорошо описана атмосфера 50-х годов, до смерти Сталина, когда всю страну обуял психоз подозрительности, страха и доноительства. Не выдержав психологического «натягивания», Вельский сам, по своей воле, чтобы предупредить события (которые, ведь, могли и не совершиться!), доносит в МГБ на своих товарищей, ни в чем, собственно говоря, не повинных. Этот поступок тяжелым бременем ложится на душу молодого человека и калечит всю его последующую жизнь. Чтобы заглушить совесть, он начинает беспутную и нечестную жизнь, мечтая о возможности получить командировку за границу и стать невозвращенцем. Когда эта возможность появляется, Вельский, после краткой нерешительности, не использует ее, так как боится, что и за границей ему придется продавать свою честь, продолжая работать публицистом. (А ведь миллионы людей нашли возможность жить за границей и не как публицисты). Вельский возвращается домой и ведет двойную жизнь: на работе — на людях, и дома — сам с собой. Нервное перенапряжение со временем сказывается на нем, и Вельский сходит с ума на религиозной почве.

На этом кончается его Апология.

Что же можно сказать об этой части произведения? Тема предательства в литературе не новая. Джозеф Конрад (Корженевский) в книге «Чужими глазами» (англ.) описал, в духе Достоевского, переживания молодого человека, русского, из хорошей семьи, донесшего в «охранку» на своего знакомого студента-революционера, руководясь патриотическими соображениями. Шаг этот непоправимо испортил всю его жизнь. Редактор «Граней» во вступлении к «Откровениям» правильно пишет, что предательство, Иудин грех, это «второй по важности грех коммунистической России, идущий вслед первому — ее отказу от Бога». В результате душевных переживаний Вельский отчуждается от внешней жизни, уходит внутрь себя, начинает усиленно думать о Боге...

На этом кончается первая часть произведения, написанная еще в нормальном состоянии. После нее начинается уже бредовая запись, со множеством повторений, утомляющая читателя своей отрывочностью, фрагментарностью, без органической сраченности формы и содержания. Литературную критику и первой части, и второй (дублированной) оставляю людям, более компетентным в этой области, чем я. Ограничусь только тем, что выскажу мое личное мнение: первая часть читается с интересом, вторая — не убедительна ни по своей форме, ни по содержанию. Я не вполне разделяю мнение Ю. Галанскова об исключительной значительности этой книги.

Все то, что приходит нелегальным путем из-за железного занавеса, овеяно дымкой героизма и вполне естественно возбуждает в зарубежье повышенный интерес. Каждому произведению из самиздата мы готовы дать несколько очков вперед за одно только происхождение. Там, где это касается эстетики, беды в этом нет, будущее установит правильную котировку на литературной бирже. Там же, где дело касается религии, философии, этики, мы должны выступить уже более строгими судьями. Не для того, чтобы охаять, а чтобы не создавать ложных идей

и ценностей. Ведь свободная богословская, философская и нравственно-учительная мысль, вообще свободная мысль, была депортирована из СССР, вместе с группой ученых и мыслителей, в 1922 г.

В последние полвека изъятые из библиотек и частных домов и запрещенные книги читались украдкой, на свой страх и риск. Слава тем, кто читал! Знакомство с дореволюционными или зарубежными писателями не было в СССР ни систематическим, ни массовым. В этой духовной и интеллектуальной пустыне *каждый росток мысли* представляет собой событие. Я уверен, что и «Откровения Вельского» произвели небывалое впечатление на родине. Отсюда и восторженный отзыв о них редактора «Феникса» Ю. Галанскова. Всякое явление просыпающейся из летаргии мысли есть некое чудо.

Однако наряду с Откровением бывают и лжеоткровения, прельщение откровением, поэтому каждое явление духовного характера следует испытывать, проверять. И здесь мы должны освободиться от психологически понятного очарования самиздатской литературой и посмотреть на нее не — упаси Боже! — враждебным взглядом, а лишь несколько настороженным. Наш угол зрения должен иметь несколько иную оценочную перспективу, наши критерии ценности должны быть более взыскательными, чем на родине в настоящее время. Вот с такой позиции мы и оценим достоинства и изъяны «Откровений».

3.

Начнем с названия книги, с титулов и подтитулов. Скажем прямо: они представляют собой негодный субститут евангельским сущностям. Говоря «негодный», я имею в виду попытку с *негодными* средствами. Уже наш яснополянский мудрец сделал однажды такую попытку переделать Евангелие на свой лад, чем обнаружил свой дурной религиозный вкус. До времени у него не было подражателей. Но... лихая беда — начало! Это — неотрадное явление, свидетельствующее об отсутствии чувства пропорций, чувства благоговения... иными словами — это есть *профанация*, чтобы не употребить более сильного выражения — *кощунство*.

Мы все призваны к тому, чтобы *следовать* Христу. Но есть тонкая, до конца необъяснимая разница между следованием Христу и подражанием Христу. Тут св. Фома Кемпийский, каким бы он успехом ни пользовался в свое время, дал маху, если позволено будет мне так выразиться.

В самом понятии «имитирования Христа» есть нечто, что вызывает отвращение. Ибо что такое «имитирование»? Это есть суррогат, подделка, то есть объективированная ложь. Против таких подделок предупреждает нас подлинное Евангелие.

«Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2 Кор XI, 13-15).

«Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят» (Мф. XXIV, 4-5).

«Тогда, если кто скажет вам: „вот, здесь Христос“, или „там“, — не верьте: ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, я наперед сказал вам» (Мф. XXIV, 23-25).

О том, что антихрист значит не только *против* Христа, но и *вместо* Христа, хорошо написал Вл. Соловьев в «Трех разговорах».

Итак, всякое подражание, выдавание субститута за оригинал, заключает в себе элемент лжи, а кто «отец лжи» — известно.

Откуда же у Вельского это желание имитировать Христа? (О том, почему он имитирует плохо и негодно, мы скажем позже). Здесь можно усмотреть прямое влияние

Н. Федорова, который считал, что каждый из нас есть «христос», что после мистического Искупления, Воскресения и Вознесения Христа человечество *само по себе*, своими имманентными силами сможет проделать то, что совершил Иисус Христос. К влиянию Н. Федорова на Вельского мы еще вернемся.

Поэтому саму мысль имитирования Христа Вельским мы считаем порочной и накидывание на жизнь Вельского хронологической схемы внешних событий Христовой жизни (Благовещение, Рождество, Сретенье, Искусение, Нагорная проповедь, Чудеса, Преображение, Въезд в Иерусалим, Тайная вечеря, Моление о чаше, Страсти, Распятие (Вельский забыл, очевидно, о Воскресении), Вознесение) — претенциозностью дурного стиля, с событиями его жизни не сращенной и ничем, кроме стремления к сенсационности, не оправданной.

4.

Какова основная тема дневника Вельского-сумасшедшего? Боязнь смерти. Кроме этой основной темы, имеется вторая, производная и подсобная, так сказать, статья Христом. Для чего хочет Вельский стать Христом? Что бы он ни говорил на эту тему, следует определенно заключить: чтобы иметь шанс — на случай, если Христос действительно обрел бессмертие — стать бессмертным. На дне сердца Вельского — всех его помышлений и поступков — лежит самотность, т. е. эгоизм, т. е. животное начало самосохранения, лишь отчасти просветленное человеческим сознанием.

Вельский всю свою жизнь был эгоистом. Он сам признается, что единственным человеком, которого он любил, был его дядя. Но он об этом пишет только, он никак не показывает своей любви к дяде, он не проявляет этой любви *в деле*. Всех других людей он не любит, чтобы не сказать — ненавидит, во всяком случае он их презирает. Он делает все, чтобы себя охранить и обеспечить — вплоть до предательства. Вельский — трус. Совершив грех предательства, он терзается, *но не раскаивается*. Ему стыдно и гадко, но он не жалеет своих жертв. В случившемся он обвиняет общество и режим, но не находит в себе нужды и сил *к раскаянию*. А что же нужно на пути к Богу, как не «сердце сокрушенное»? Покаяние приносит умиротворение, у Вельского же все больше и больше проиступает озлобление.

Народ иудейский полторы тысячи лет приутоплялся к тому, чтобы дать плоть Сыну Человеческому. О Нем пророчествовали, что «почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разум, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия... Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курищего не угасит...» (Ис. гл. 11, 2 и гл. 42, 2-3). На лоне благочестивой семьи Он «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2, 40). Это человеческая характеристика Иисуса Христа. Как же «подражал» Вельский Тому, Кем хотел стать? Человеконенавистничеством, пьянством, предательством, пьянками и гулянками? А в перерывах, когда он этого не делал, он духовно скитался без внутреннего просветления, посещал храмы и искал «видимого знака» существования Бога. Но, «род лукавый и трелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему...» (Мф. 12, 39).

Ни до своего помешательства, ни после Вельский не только не уподобляется Христу (что, по мере сил и возможностей *в любви и молитве* было достигнуто многими), но даже не умеет подражать Ему. Что он записал из своего опыта «сорокадневного пустынствования»? Несколько фраз неубедительной риторики. Суворин, в своем руководстве лечения голодом, описывая свое сорокадневное голодание, нашел больше материала (правда, физиологического) сообщить людям, чем Вельский. Сослаться на их «неописуемость»? Тогда зачем и «дидактизировать» неисполнимыми обещаниями.

Вельский знаком с Евангелием внешне, но он не воспринял благой вести внутрь себя. Он ничем не похож на

Христа, наоборот, он думает и говорит в духе антихристовом. Он все время возносит хулу на Бога и непристойно кощунствует. Он злится и бесится от своего бессилия и лишь, не находя выхода вне Бога, от времени до времени обращается к Нему. Вельский не знает Христа, он совершенно чужд Ему и чужд духу Евангелия. Жонглируя нахватаемыми изречениями, он не удосуживается поразмыслить над словами Христа, что Он есть «Путь, и Истина, и Жизнь» и что «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). Он цитирует эти слова, но сразу же отвечает: «не верю». И бахвалится: «я иду пути сам, самовольно, и не хочу, чтобы меня на него толкали силой или слабостью. Иисус же Христос не уставал повторять: «Да будет воля Твоя!» Ему неизвестно учение ап. Павла, что человек «обновляет» свой разум жизнью во Христе. О религиозности Вельского этим достаточно сказано.

Обратимся к его философским проблемам.

В одном месте Вельский говорит, что он много читал, но что у него нет систематических знаний, ни философских, ни богословских. Никак нельзя не согласиться с ним! Фрагментарны его познания, как разные крупы, сыпанные в один мешок. Не чувствуется в его мышлении интерпрации, органической сращенности, переплавленности, за его познаниями не чувствуется той личной глубины и убежденности, какие присущи глубокому или зрелому мыслителю. Обилие материала может ослепить советского читателя, впервые знакомящегося с проблематикой, затронутой в «Откровениях». Там действительно есть много интересных мыслей... но они не новы!

Страх перед смертью, как полной и окончательной аннигиляцией человека, и проистекающее отсюда желание жизни вечной, т. е. бессмертия — вот двойная тема, вокруг которой разыгрывается жизненная трагедия Вельского. Да и не только Вельского! У него она усугублена тем, что он пытается преодолеть этот страх на ложных путях. О страхе смерти писали многие, но может быть никто не исследовал эту проблему так глубоко, как Л. Н. Толстой: стрела страха смертного поразила его сердце в расцвете сил и способностей, и то, как он боролся с навязчивой идеей в личной жизни и как изобразил ее в своих трудах, вряд ли имеет равно достойное изображение... Толстой был сильным человеком и талантливым, но он так и не решил эту проблему, а только лишь примирился с ней, как с необходимостью. Страх смерти не имел силы над первыми христианами, которые неоднократно искали возможности принять мученический венец. Смерть для них была тем порогом, который отделял их от возлюбленного Христа. Смерти не боялся ап. Павел, бросая ей ликующий вызов: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (I Кор. 15, 55). Смерти не боялись многие святые угодники. И, странное дело, смерти не боятся иногда совсем простые, но благочестивые люди. Какой из этого вывод? Тот, что страх смерти побеждается сердцем, а не разумом. Сердце не может отменить смерти, но оно принимает ее как один из этапов, который необходимо пройти; сердце, естественно, судорожно сжимается и трепетно бьется перед смертью, ибо она есть зло, но успокаивает себя тем, что оно прозирает за ее темным покрывалом. Верующее сердце чувствует, что за смертью его ожидает жизнь в Том, Кто Сам вкусил смерти и победил ее.

В рациональном плане проблема смерти не может быть решена, ибо смерть, как космическое явление, столь очевидна и столь непрекаема, что не поддается какому-либо сомнению. Смерть, в метафизической перспективе, не поддается рациональному объяснению, ибо она сама иррациональна, ибо противоестественна (Бог смерти не сотворил...). Смерть может быть объяснена только «обновленным» разумом, т. е. тем разумом, который на веру принимает основные истины откровения. Если я верю в Бога, и то такого, каким он открылся иудео-христианскому сознанию, тогда лишь получают свой смысл и свою санкцию соответственные построения разума, т. е. христианская философия в секторе ее учения о бессмертии.

Вот этого-то и не знал, или не хотел знать, Вельский. И поэтому его попытка «головным», «мозговым» усилием проникнуть в тайну Бога, жизни и смерти явно предре-

чена была на неудачу. Его «новое откровение» — претенциозная чепуха.

Попробуем теперь локализовать основные философские влияния на ход мысли Вельского.

5.

Вельский сам пишет, что в семнадцать лет он прочел всего Ницше. «Ницше укрепил во мне сознание своей личности, своего человеческого достоинства. Новые парадоксальные идеи вскружили мне голову... будем сильнее, злее, глубже и прекраснее! Подобно Заратустре, я покинул свою ненавистную пещеру и вернулся к никогда не любимым мною людям» (подчеркнуто мной. — и. Г.) (стр. 6). Не будем здесь излагать учение Ницше, а отметим только, что он был противником религии вообще, а христианства — в частности. Предоставим читателю самому судить, с каким «сверхчеловеческим» интеллектуальным багажом отправился Вельский на поиски божественного... Отметим характерную аналогию. Ницше, терзаемый духовными и интеллектуальными муками, которых он, вне Бога, не был в состоянии преодолеть, сошел с ума. Не послужил ли он литературным прототипом для креации Вельского?

Вельский очень часто ссылается на Н. Ф. Федорова и его учение о бессмертии. Он повторяет некоторые мысли Федорова, но не развивает их. Мысли эти как-то внешне прикреплены к мировоззрению Вельского. От Федорова он перенял мечту о том, что придет время, когда человечество достигнет имманентного бессмертия, «когда все науки, искусства и все роды человеческой деятельности сольются в единую всеобъемлющую науку бессмертия» (стр. 50). Федоровское учение у Вельского выступает в виде декларации, постулата, оно не отражается экзистенциально на Вельском. Но... учение Федорова о воскрешении предков не защитимо ни с богословской, ни с философской и ни с биогенетической точки зрения. Федоров был значительным мыслителем, поразившим воображение таких людей, как Достоевский, Вл. Соловьев и др., своим общим пафосом любви к ближнему и любовной благодарности к ушедшим поколениям, пафосом «общего дела», а эта именно сторона федоровского учения и не отразилась на Вельском.

Вельский не прав, когда пишет, что смысл существования человечества в обретении бессмертия был впервые открыт русскими. Эта идея не новая, она своими истоками уходит в патристику, и еще дальше — в Евангелие. Несколькими шовинистически звучат слова: «Эту идею дали мы, русские. Федоров — едва ли не первый и единственный» (стр. 104). За сто лет, приблизительно, до Федорова, польский философ Иосиф Мария Гоэнэ-Вронский положил эту идею в основу своей удивительной системы христианской философии.

Вельский ссылается на Достоевского, но не вскрывает еще одной своей родословной линии, восходящей к... Кириллову. В гербу этой родословной можно было бы поместить девиз: «Volentem fata ducant, nolentem — trachunt», что в русской народной мудрости рецепируется в поговорке: «двум смертям не бывать, а одной не миновать!». Что это значит? Это значит, что человек, восстающий против закона необходимости, т. е. в данном случае, бунтующий против непреложности смерти, пытается в свои руки взять свою судьбу и самостоятельно решить, когда ему умирать. Это значит — создать видимость господства над смертью. Но это есть не что иное, как самообольщение. «Кто смеет убить себя, тот бог» — вот основная мысль Кириллова. Этой мыслью очарован и Вельский. Он идет по линии этой мысли, хотя и не доходит до ее логического конца. Вельский не налагает на себя руки, но ведет себя так, чтобы спровоцировать смерть извне. Искренен ли он до конца или только ломается сам перед собой, куражится?

Одно можно сказать в пользу Вельского: он не убегает от реальности смерти, он идет навстречу смерти, хотя она и леденит его сознание ужасом небытия. В этом он выгодно отличается от многих наших современников в так на-

зывается «свободном мире». Да простит нам читатель, что мы сделаем, в этой связи, некую депрессию.

Эпохи можно отличать, между прочим, по принципу, как люди относятся к смерти: «мemento мори» или «карпэ дием»? В истории эти настроения меняются или, вернее, сменяются. Подавляющее большинство современных людей всеми силами старается не думать о смерти и, как страус, погрузив голову в песок, думать, что тем самым можно избежать опасности. В правильной и интересной статье «Воскресение» (Зарубежье, май 1966 г.) В. Пирожкова пишет, что «когда некоторых известных артистов спросили, что они стали бы делать, если бы им сказали, что они умрут через 24 часа, многие из них ответили, что они ходили бы непрерывно с одного кинофильма на другой, все 24 часа».

Вспоминается мне другой случай, когда шел разговор о том, все ли спасутся, т. е. станут бессмертными. Один из польских философов ответил: «Как же могут стать бессмертными те, кто не хочет этого и потому не создает в себе ТОГО, посредством чего можно стать бессмертным»? О том, насколько проблема бессмертия тревожит современную молодежь, свидетельствует и другой факт. Несколько лет тому назад проф. др. Ф. И. Ленер из Кали-

форнийского университета опросил 96 студентов и студентов, задав им вопрос: если бы переселение душ было реальностью, а не только гипотезой, то в какое живое существо хотели бы вы воплотиться после смерти? Большинство студентов выразило желание воплотиться в кошку, студенты же высказывались в пользу собак, львов, обезьян, оленей, птиц... И только совсем немногие избрали «человека»! Это было бы смешно, если бы не было так грустно!

Трагическая судьба заблудшего Вельского — человека, и этим выгодно отличается от животности вышеупомянутых «артистов и студентов». Она — как крест, поставленный на диком горном утесе в назидание начинающим альпинистам: «Здесь полюб (имярек), сорвавшись с утеса...!».

Подведем итоги.

Вельский — неудавшийся гибрид «Übermensch'a» и Кириллова, неподходящий кандидат в богоискатели.

Но, если он не литературное создание, если он реально существовавший и страдавший человек, не по злой воле искавший на ложных путях разгадки тайны Бога и смерти, то, сочувствуя ему, прервем наши суждения о нем и предоставим его суду Судьи милостивого.

Д. ПАНИН

О несостоятельности марксистской политэкономии

§ 1. Абстракции Маркса

Как известно, понятия стоимости и прибавочной стоимости были даны А. Смитом и Рикардо в эпоху зарождения капитализма, когда понятие физической работы еще не достигло последующей завершенности и закон сохранения энергии еще не был открыт. К. Маркс использовал идеи этих ученых в период, когда закон сохранения энергии был открыт и когда понятие работы стало уже применяться в точной науке и технике. К сожалению, это произошло мимо основоположника марксизма. Вот как звучат выходы классической политэкономии в его изложении:

«Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительской стоимости товара, то есть рабочим временем, общественно необходимым для производства».¹

«Процесс возрастания стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс создания стоимости продолжается дальше этого пункта, то он становится процессом возрастания стоимости».²

«Удлинение рабочего дня за те же границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталистом — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произ-

вести эквивалент заработной платы в более короткое время».³

По поводу этих положений следует заметить:

1) Труд у К. Маркса измеряется абстрактным временем — «общественно необходимым для производства». В действительности труд является суммой необходимых работ, которые измеряются не только временем, но и мощностями, то есть величинами сил и скоростями их приложения. Маркс не знал природы труда, а поверхностное знакомство с изготовлением простейших изделий (сапоги, сюртуки) привело его к грубым ошибкам.

Из своей абстракции он устранил труд предпринимателей, инженеров, коммерсантов, транспортников, ремонтников... решив, что его «общественно необходимое для производства» время определяется трудом одних производственных рабочих. Вследствие этого его объяснения приложимы лишь к эпохе мануфактур. Но, строго говоря, и для этой эпохи его схема неприменима, так как исключает труд предпринимателя и коммерсанта, без которых продажа товара и запуск новой партии был невозможен. Измерение труда через абстрактное время приводит к заблуждению даже в простейшем случае.

Кроме того, измерение труда абстрактным временем, связанное с обезличением труда любого рабочего, приводит к скрытому исключению из производственного процесса машин-орудий, работающих от природных источников энергии. При этом изготовление изделий опять сводится к труду одних производственных рабочих, а машины, якобы, помогают лишь уменьшить время «необходимого труда».⁴

2) К. Маркс подходил к развитому капиталистическому производству, работающему на использовании природных источников энергии, с той же меркой, что и к чисто ручному изготовлению, когда производственная эксплуатация действительно имела место, а ее величина определялась продолжительностью рабочего дня. Отсюда его непонимание природы прибавочного труда в капиталистическом производстве развитого периода — сведение и в этом

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, Москва, 1955, стр. 193.

² Там же, стр. 201—202.

³ Там же, стр. 512.

⁴ Там же.

случае всего к эксплуатационному присвоению, якобы, неоплаченной части труда одних производственных рабочих.

В действительности в развитом капиталистическом производстве прибавочный труд создается машинами-орудиями от природных источников энергии.

3) К. Маркс совершил ошибки, манипулируя своими понятиями «труд» и «рабочая сила».

«Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, выражается, между прочим, в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительская стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потребительская стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, то есть наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяются друг от друга во времени».⁵

«Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором о ее купле, например, в конце недели».⁶

«Потребление рабочей силы — это сам труд».⁷

«Стоимость рабочей силы, как всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно и воспроизведения этого специфического предмета торговли».⁸

Стоимость всякого товара определяется количеством вложенного труда. «Рабочая сила» по Марксу является товаром и по контракту заранее оценивается, что естественно для каждого товара.⁹ В ходе производства товар — «рабочая сила» — создает большую стоимость, чем та, в которую он оценен. И так происходит каждый день и для всех производственных рабочих.

Тем самым Маркс утверждает, что меньший труд систематически производит больший труд. Иными словами он открыл перпетуум мобиле первого рода, действующий в объеме всего капиталистического производства, что означает нарушение первого начала термодинамики и закона сохранения энергии. Продолжать защищать эти положения в XX веке просто смешно.

Если Маркс при объяснении механизма эксплуатации простого ручного труда, вследствие незавершенного анализа рассматриваемого им явления, приходит к таким выводам, то, перенеся эту схему на развитое капиталистическое предприятие, широко использующее природные источники энергии, он дает искаженное представление действительности.

Главная ошибка Маркса состоит в непонимании природы прибавочного труда в эпоху развитого капитализма. Поэтому его политэкономия является несостоятельной. К сожалению, когда речь идет об «основополагающих истинах» столетней давности, марксисты без изменений повторяют их в своих работах.

Рассмотрим ряд положений в их современном звучании.

§ 2. Современные марксисты применяют термины «рабочая сила» и «живой труд» при объяснении образования прибавочной стоимости

«Рабочую силу как способность к труду следует строго отличать от самого труда как использования, применения этой способности. Товаром является рабочая сила, способность к труду. Живой же труд, создающий стоимость, есть процесс потребления рабочей силы, а потребление

как процесс не может иметь стоимости. Например сахар и хлеб могут стать предметом купли и продажи. Но ощущение сладости и сытости — не товар и стоимости не имеет. Не имеет стоимости и живой труд, расходование и потребление рабочей силы.

Поэтому своим трудом рабочий может создавать стоимость, которая превышает стоимость его рабочей силы. *Стоимость, создаваемая трудом рабочего, и стоимость рабочей силы — величины разные. Избыток стоимости, созданный трудом рабочего сверх стоимости его рабочей силы, составляет прибавочную стоимость»*.¹⁰

Здесь следует отметить:

1) Показателем стоимости является выполненный труд как уже реализованное при изготовлении изделия количество энергии. Оплачивается выполненная работа, а не обещания и способности. Поэтому «рабочая сила» как способность к труду товаром быть не может. Рынок расценивает вещи, а не декларации.

2) Противопоставление рабочей силы и труда противоречит физике. Труд — это совокупность работ. Работу производит сила. Данная рабочая сила может создать лишь конкретный труд и ничего более, величина труда не может превышать суммы произведений силы на путь.

3) Мысль о том, что процесс труда не имеет стоимости, ошибочна. Именно каждый этап труда, каждая операция и ее элементы состоят из переходов энергии и образования элементарных количеств работы, из которых складывается выполненный объем труда и выражающая его стоимость.

4) Рассматриваемая схема образования прибавочной стоимости противоречит закону сохранения энергии.

§ 3. Марксизм утверждает, что товар представляет единство противоположностей в виде стоимости и потребительской стоимости

«...товар представляет собой единство двух свойств — потребительской стоимости и стоимости. Потребительская стоимость и стоимость находятся во внутреннем единстве... В то же время это есть единство противоположностей».¹¹

Уже второе столетие марксизм проповедует это мнение. Разберем его по существу.

Человек производит изделие с целью удовлетворения своих потребностей. Поэтому такие признаки изделия, как потребительская стоимость и стоимость, проявляются только в единствах человека и изделия. Вне их, например в единстве изделия с природой, потребительская стоимость несомненно на ее вещность в целостном виде не существует, а лишь отдельные элементарные качества потребительской стоимости взаимодействуют с окружающей средой.

Первый закон развития диалектики требует, чтобы борющиеся противоположности обязательно были переменными величинами. Если рассматривать как единство только одно готовое изделие, то потребительская стоимость является величиной постоянной и поэтому не может быть противоположностью. То же следует сказать и о стоимости изделия.

В ходе изготовления изделия процессы операционного преодоления сопротивлений сопровождаются образованием элементов потребительской стоимости и трудовых затрат, составляющих стоимость изделия. Потребительская стоимость и стоимость, возникающие при этом внутри изделия, не являются борющимися противоположностями, но воспринимаются в таком качестве в сознании исполнителей, над которыми довлеет цель получения потребительской стоимости при наименьшей затрате труда.

Процесс, обратный изготовлению, происходит в изделии в ходе его порчи. В результате гниения, разложения, повреждений в единствах, подверженных этим процессам,

⁵ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 180.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 184.

⁸ Там же, стр. 177.

⁹ Там же, стр. 180 и стр. 177.

¹⁰ Курс политэкономии под ред. Цаглова, т. 1, Москва, 1963, стр. 121.

¹¹ Там же, стр. 79.

происходит снижение потребительской стоимости и соответствующее падение стоимости. Так же, как при изготовлении изделия, потребительская стоимость и стоимость не являются в данном случае борющимися противоположностями и становятся такими только в сознании собственника изделия, знающего, что урон потребительской стоимости вызывает резкое снижение меновой стоимости на рынке.

Внутри изделия потребительская стоимость и стоимость ни при каких условиях не могут быть борющимися противоположностями, то есть не образуют единства. Соответственно потребительская стоимость и стоимость в условиях рынка не являются также борющимися противоположностями. На рынке борются интересы людей, а стоимость и потребительская стоимость изделия (товара) являются объектами их борьбы.

§ 4. Марксизм настаивает на противоречии между индивидуальным и общественно необходимым трудом

«Общественно необходимый труд» — это труд на необходимом уровне обученности, опытности, умелости, интенсивности, упорства...

Индивидуальный труд исполнителя обязан соответствовать уровню необходимого труда. Исполнитель в силу требований производства должен устранить несоответствие, если его труд ниже этого уровня. Ему приходится искать себе применение в другом месте или менять профессию, если дефект значителен и неисправим.

Предприниматель в таком положении не выдерживает конкуренции и становится банкротом, а рабочего или инженера переводят на более простые операции или увольняют.

Исполнителю гарантированы успех и преуспевание в случаях превышения им необходимого уровня труда.

В силу указанных причин предприниматель может разориться и стать рабочим и vice versa.

Если нет соответствия между индивидуальным трудом и «трудом на необходимом уровне», то речь идет не о противоречии между ними, а о разрыве. В данном случае следует говорить именно о разрыве, так как в значении диалектической противоположности индивидуальный и необходимый труд противоречия не образуют.

Единства физического мира не могут быть образованы умозрительной идеей необходимого труда, даже если она вечна.

§ 5. Марксисты в своих схемах рассматривают только труд производственных рабочих, игнорируя труд предпринимателей, коммерсантов, инженеров, транспортников и других работников подсобных служб

Марксистские схемы, исключаящие труд одних (предпринимателей, коммерсантов, инженеров) и притягивающие производственным рабочим труд других (наладчиков, транспортников, ремонтников, подсобников), искажают действительность развитого промышленного предприятия.

Такая подделка фактов нужна ее авторам для обоснования производственной эксплуатации. Но этот вид эксплуатации может появиться на капиталистическом предприятии, если будут выброшены не инженеры и предприниматели, а машины-орудия, работающие от источников энергии, или если при современном оборудовании будет введен принудительный труд с оплатой в виде пайка, мизерность которого будет ниже производимых затрат. При этих условиях обязательно возникнет производственная эксплуатация.

Капитализм нельзя пытаться понять, если недооценивать влияние творческих идей, которые призваны создать машины-орудия, вытесняющие ручной труд и колоссально увеличивающие удельный вес источников энергии на производстве. Согласие с этими важнейшими факторами должно быть выражено не только в декларациях; эти факторы должны быть применены в объяснениях и реко-

мендациях, иначе их авторы приходят к заведомо ложным решениям и выводам.

§ 6. Марксизм предрекает неизбежность крушения капитализма и последующее образование социализма

Причиной такого вывода явилась, во-первых, оценка капитализма как общества, применяющего эксплуатацию. Но в развитом капитализме отсутствуют производственная и эффективно устранена бытовая эксплуатация. Другой причиной краха капитализма марксисты считают концентрацию производства, которая ликвидирует капиталистов. Так называемый социализм стремится к стопроцентной концентрации всего управления в руках государства. По странной логике «лидеры социализма», которых подбирают менее всего по деловым качествам, считают, что они сумеют гораздо лучше управлять производством со стопроцентной концентрацией, чем это делают на своих предприятиях, не стремясь к такой концентрации, предприниматели и их помощники, отобранные по деловым и хозяйственным способностям.

Соображение о противоречии между «общественным способом производства и частным присвоением», с помощью которого марксизм подчеркивает минимую несправедливость присвоения прибавочного труда при капитализме, также неверно. При развитом капитализме каждый трудящийся получает за свой труд по найму сверх покрытия израсходованной на производстве энергии еще и некоторую прибавку для пополнения энергии, израсходованной в быту. Для предпринимателей прибавкой является прибыль, которая нередко оказывается убытком и ведет к разорению вместо ожидаемого успеха.

§ 7. Марксизм утверждает, что прибавочная стоимость специфична для капиталистического производства

Прибавочный труд существовал издавна, а не только при капитализме. Он создавался трудом рабов в рабовладельческом обществе, трудом ремесленников в феодальном и трудом рабочих при принудительном государственном капитализме. Разница в том, что при капитализме прибавочный труд производится за счет использования природных источников энергии, при докапиталистических способах за счет части неоплаченного труда рабочего.

При принудительном государственном капитализме в тоталитарных режимах прибавочный труд производится также за счет природных источников энергии, но при мизерной оплате за выполненный труд сопровождается сильной бытовой эксплуатацией.

Утверждение Маркса о специфичности прибавочной стоимости для капиталистического производства побуждало его только к внушению идеи об отсутствии эксплуатации при «социализме». На самом деле без образования прибавочного труда невозможно существование общества и при принудительном государственном капитализме, коим является марксистский социализм, прибавочный труд добывается наиболее жестокими способами. Когда у рабочего присваивают часть его энергии, то ему не легче от того, расходуется ли она на нужды капиталистов или тоталитарного государства.

Продолжатели идей Маркса — лидеры государственно-капиталистического строя — поняли на практике, что единственный способ сохранить такую систему, а заодно и свое главенство — это установить крайне низкие заработки населения, и в этом отношении положение населения при этих режимах бесперспективно.

§ 8. Марксизм считает, что существуют два вида труда — абстрактный и конкретный, — являющиеся противоположностями в товаре

Только конкретный труд различных исполнителей создает потребительскую стоимость изделий.

Суммарный труд (в джоулях) представляет общее количество энергии, затраченное на изготовление изделия.

Если уровень труда при спросе на рынке, равном предложению, отвечает необходимому, то суммарный труд равен стоимости в ее энергетическом выражении, а прибавочный труд — прибавочной стоимости.

Таким образом, конкретный труд имеет два проявления — технологическое и энергетическое.

Ошибка марксизма в признании двух отдельных видов труда: абстрактного, образующего стоимость, и конкретного, образующего потребительскую стоимость.

Сравнительно небольшая для своего времени ошибка повлекла за собой неверное утверждение марксизма о двух трудах, являющихся противоположностями в товаре. Выводы § 3 об абсурдности противопоставления в товаре стоимости и потребительской стоимости приложимы и к данному марксистскому утверждению.

§ 9. О классах

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и распределения той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Борьба — всеобщий закон бытия. Рабочие боролись и будут бороться с предпринимателями и друг с другом за лучшее место работы, предприниматели с конкурентами, торговцы с покупателями и друг с другом, жильцы с домовладельцами...

Крайне важно правильно понять содержание и смысл этой борьбы. Следует исключить из этой борьбы членовеневистничество, нагнетающее и разжигающее низменные инстинкты. Определение класса, как группы людей, присваивающей себе труд другой группы, не является универсальным. Рассматриваемое определение применимо к рабовладельцам и рабам античного мира, так как рабовладение там было возведено в систему.

Рабочие могут быть противопоставлены хозяевам во времена мануфактур, но только в данном случае приложимо не все определение, а лишь слова об эксплуатации.

Это определение не годится для эпохи развитого капитализма, где с производственной эксплуатацией давно покончено, хотя удар марксистов был направлен как раз на эту экономическую систему. Определение лишь усиливает антагонизм и натравливает рабочих на капиталистов, рассчитывая пробудить в человеке людоедские инстинкты.

В системе принудительного государственного капитализма это определение приложимо целиком к «новому классу» партийной олигархии (аппаратчикам), и по справедливости заряд ненависти должен был бы быть направлен против этой верхушки.

Любое определение должно быть вещным, то есть выражать действительное положение. Оно не должно исключать второстепенных фактов, так как в отношениях живых людей то, что кажется одному маловажным, для другого представляет главное в жизни. Поэтому современная социология ставит на первое место точность, правильность оценок и их наполнение фактическим содержанием и оказывает эмоциональное воздействие как недостойный науки прием.

§ 10. О социализме

Современные разновидности социализма основаны на порочных выводах последователей Маркса, извлеченных из его ошибочной концепции образования прибавочной стоимости в развитом капиталистическом производстве, годной в лучшем случае для докапиталистических и раннекапиталистических способов производства.

Поэтому капитализм из передового непрерывно развивающегося общества предстает в марксистских работах загнивающим, обреченным на гибель; капиталисты названы акулами, присваивающими себе прибыли, полученные за счет неоплаченного труда других; крестьяне, ремесленники, интеллигенция не укладываются в навязываемые им схемы и представлены как историческое недоразумение, как что-то промежуточное, временное... Государство как «комитет господствующего класса» на словах поддежит отмиранию, а на деле превращается в центр принуждения. Люди разбиваются на классы эксплуататоров и эксплуатируемых; тем самым разжигается ненависть, кровожадность и им подобные низменные инстинкты.

Если, преодолев ошибки марксизма, построить общество только из тех, кто работает на действительно принадлежащих им фабриках и крупных сельскохозяйственных предприятиях, то все равно получается бесперспективная картина. В лучшем случае это общество не запятнает себя и на деньги каких-то филантропов-исследователей выкупит у капиталистов их предприятия, а у землевладельцев их земли. При этом варианте инженеры, рабочие и другие исполнители получают соответствующее количество акций соразмерно своему вкладу в производство данного предприятия. Таким образом, поначалу они все станут мелкими собственниками, обязанными работать на своих предприятиях, и сразу начнет действовать рынок, конкуренция и их нещучные деловые выводы. При создавшемся положении возможны два пути: 1) не мешать этому процессу и стремиться оставаться в выигрыше, 2) юридически и административно ограничить конкуренцию, рынок, концентрацию капитала, инициативу. При первом пути неизбежно появятся преуспевающие и разорившиеся, начнется сосредоточение крупных средств у одних, а свободные рабочие руки других станут наниматься к одержавшим верх. Иначе говоря, в этом случае произойдет возврат к капитализму. При втором пути, знакомом по тоталитарным режимам, происходит усиление государства и переход к государственному капитализму.

Оценка сущности экономической жизни общества должна отвечать законам природы и вещам физического мира. Тогда отпадет надобность в «социализме», так как совершенствование современного капиталистического мира может осуществляться благодаря действующим в нем силам развития и прогресса при условии дееспособного этического контроля.

В таком развивающемся капиталистическом обществе трудящиеся могут дружно бороться за свои интересы и им открыт путь к преуспеянию.

§ 11. О коммунизме

«Коммунизм это бесклассовый общественный строй с единой общественной собственностью на средства производства... в котором утверждается общественное самоуправление».¹²

Ошибочность этого первого тезиса перечеркивает следующие признаки в длинном определении коммунизма. Бесклассовое общество коммунизма, где уже устранена разница между городским и сельским населением, а также между умственным и физическим трудом, представляется однородной массой людей, получающих по потребностям из общественных складов. Ради чего же этим людям бороться друг с другом? Причин нет никаких. Пользуясь марксистской терминологией, следует отметить, что базис здесь одинаковый, обеспечивают всех по потребностям, и надстройки должны быть поэтому тоже совершенно идентичны. Но любое общество как единство должно состоять из борющихся противоположностей (вывод из первого закона диалектики Гегеля). В рассмотренном случае нет экономических и политических причин для борьбы, то есть нет борющихся противоположностей, и это означает, что такое единство существовать не может.

¹² Материалы XXII съезда КПСС. Москва, 1960

Марксизм, правда, считает, что отсутствие противоположностей и борьбы между членами общества может быть восполнено борьбой со стихиями и борьбой в области научного познания. Такой ход мысли лишней раз свидетельствует о поверхностном восприятии законов диалектики. В этом легко убедиться на следующем примере. Если переместить землекопа с лопатой с места, где он рыл землю, на совершенно каменистое плоскогорье, где он ничего лопатой сделать не в состоянии, то прекратится единство землекоп-земля и процесс копания земли станет невозможным, так как из единства исчезла необходимая противоположность — земля. Если этот бывший землекоп пойдет в горы, он предстанет уже в новом качестве альпиниста, если займется изучением горообразования, то может стать даже ученым, но это не поможет ему при этих условиях стать снова землекопом.

В единство «борьбы со стихиями» входит человек и оказывающая ему сопротивление стихия, которые не образуют общественного единства. В лучшем случае на время могут объединиться несколько человек для более эффективной борьбы со стихией, скажем альпинисты могут прийти на выручку друг другу.

Борьба в области научного познания дает комбинацию ученого и вещей, требующих своего объяснения, и к общественным единствам не имеет никакого отношения.

Кроме того, следует заметить, что ученых и альпинистов не так уж много и непонятно, чем должна заниматься основная масса. При вынужденном безделье носители низменных инстинктов, число которых возрастает вследствие уничтожения всех несогласных, при отсутствии толщии образовали бы свои шайки, не желая вообще участвовать в трудовой жизни. Видимо, без самоуправления обойтись будет нельзя, и в его органы в обществе, где занимаются, главным образом, удовлетворением своих желаний и потребностей, ползут преступные элементы и всякие честолюбцы... Как только такая организованная шайка захватит власть, образуется общественное единство власти и отдельных лиц. Во избежание таких случаев лидеры «коммунизма» могут, конечно, сразу установить органы общественного самоуправления, что будет означать закамуфлированное наличие постоянно действующих властей, которые сначала передерутся и, вероятно, потом сольются воедино. Но тогда это уже будет государство, что противоречит марксистскому тезису об «отмирании государства» в бесклассовом обществе.

Этот краткий анализ основных положений марксистской политэкономии полностью доказывает ее несостоятельность.

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Энергетическая природа труда помогает этическим оценкам многих сторон жизни, ранее выпадавшим из поля зрения или представленным в искаженном виде.

В руках людей доброй воли должен быть сосредоточен этический контроль, и несравненное значение поэтому приобретает их деятельность, равно как и активность их объединений, союзов, лиг, орденов.

Партиям, цель которых — ниспровержение социального строя передовых в промышленном отношении стран свободного мира, необходимо пересмотреть свои программы на основе правильного понимания природы эксплуатации, а правительствам и правящим группировкам стран с тоталитарным режимом свое отношение к подвластному им населению и свободному миру.

Научно обоснованный подход может только способствовать разрядке напряженности, подлинному прогрессу во многих областях экономической, социальной, политической жизни и мирной трансформации социальной структуры свободного мира, в которой нуждаются и остальные страны земного шара.

§ 1. Насущные задачи и оценка элементов системы свободного мира

1. Ближайшие задачи передовых стран свободного мира

Во времена до широкого использования машин-орудий, работающих от природных источников энергии, переносимая эксплуатация была неизбежной и поэтому исторически оправданной. В настоящее время применение такой эксплуатации может иметь еще место в экономически отсталых странах.

Передовые страны свободного мира добились огромных успехов и подняли уровень жизни на большую высоту силой гения людей. Благодаря этим успехам неустанно развиваются экономика, техника и прикладные науки. Тем самым эти страны стоят во главе прогресса. Их основные задачи на ближайшее время:

— устранение остатков бытовой эксплуатации в передовых промышленных странах;

— помощь слабо развитым странам в целях уменьшения эксплуатации, приобщения этих стран к современным способам производства и к повышению покупательной способности населения;

— идейная и моральная помощь народам, находящимся под гнетом тоталитарных деспотий и подвергающимся существующим там формам эксплуатации.

2. Задачи специальных научно-исследовательских институтов

Научно-исследовательские институты в области экономики на основе энергетического взгляда на образование прибавочного труда должны выработать текущие рекомендации для усовершенствования экономической жизни. Для этого:

a) главное внимание сконцентрировать на остатках бытовой эксплуатации в передовых промышленно развитых странах, которую следует как можно скорее изжить. С этой целью необходимо провести большую работу по изучению индексов цен, определяющих реальную заработную плату;

b) тщательно консультировать профессиональные союзы по вопросам забастовок, так как рост реальной заработной платы должен соответствовать увеличению количества прибавочного труда, полученного предприятием посредством машин от природных источников энергии и реализованного среди потребителей в виде дополнительных изделий. Должна быть также осуществлена координация действий отдельных предприятий и их профсоюзов в общенациональном масштабе;

c) изучить влияние военной промышленности, поглощающей не малую часть национального прибавочного труда без его реализации по потребителям, но вносящей оживление благодаря своим заказам в праздничную промышленность, то есть заняться изучением влияния гонки вооружений;

d) учитывать положение иностранных рабочих и в первую очередь контролировать их заработки, так как, отправляя своим семьям большую часть своего заработка, они объективно помогают своим странам выйти из затруднения, но при этом ставят себя в худшие бытовые условия по сравнению с рабочими передовых в промышленном отношении стран.

3. Оценка элементов системы свободного мира

a) Частная собственность утверждается незыблемо, поскольку приумножение запасов энергии в руках человека неразрывно связано с создающими ее трудом и творческими идеями. Для вынесения верного суждения принцип частной собственности должен быть обязательно связан с этической оценкой.

b) К сожалению, принято действовать, считая, что «деньги не пахнут». Это глубоко неверно: деньги пахнут. Если деньги получены в результате тотальной и убийственной эксплуатации, то позор распространяется не только на тех, кто является их виновником, но и на тех,

кто пожирает их результаты. Те, кто ведет денежные дела в свободном мире со странами тоталитарных режимов, должны быть очень осторожны и предельно самокритичны.

с) Передовые страны свободного мира поступают абсолютно правильно, отказываясь от принудительного труда заключенных.

d) Всем поползновениям насильственного ниспровержения экономической и социальной систем, действующих в передовых промышленно развитых странах свободного мира, должен быть дан решительный отпор. Такое мнение научно никак не обосновано, ошибочно и искажает перспективы нормального развития общества.

e) Прибыль любого современного предприятия образуется из огромного количества прибавочного труда, создаваемого машинами-орудиями за счет использования природных источников энергии. Из этого же резервуара оплачиваются также бытовые нужды рабочих. Поэтому право предпринимателя на свою долю дохода в виде прибыли не менее обосновано, чем право рабочего на долю заработка из прибавочного труда, и прибыль предпринимателя должна охраняться законами не в меньшей степени, чем доходы рабочих и служащих.

«Национализацию» без должного выкупа следует рассматривать как элемент тотальной эксплуатации, которая в зависимости от ее конечных результатов может стать убийственной. Смысл не меняется, когда это явление именуют также экспроприацией.

f) Взимание налогов допускает некоторые вариации. Наиболее целесообразной мне представляется схема прямых налоговых поступлений по трем статьям: прямой налог на изделие, налог с оборота капитала и налог на сельскохозяйственные продукты.

Первый вид налога сдается государству в размере эквивалента труда людей, без коих нормальное производство и реализация изделия становятся невозможными.

Налог с оборота капитала оплачивается из прибавочного труда за счет реализации промышленных изделий.

Третий вид налога оплачивается из прибавочной энергии, содержащейся в урожае.

За счет первой статьи налогов существуют государственные служащие, полиция, работники просвещения. Две другие статьи налогов идут на содержание армии, военную промышленность, научные институты и другие государственные учреждения, на государственные субсидии, дотации, пенсии...

g) Зарботки и доходы работников свободных профессий, домовладельцев, розничных торговцев и других категорий, непосредственно не связанных с производством промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов, складываются из

— заработка рабочих, так как он состоит из оплаты затрат энергии на производстве и в быту;

— части заработка сельских тружеников;

— заработка тех, кто связан с производством изделий и обслуживает работников сельского хозяйства;

— заработка и прибыли предпринимателей.

Размеры доходов зависят от таланта, удачи, спроса и, кроме того, от общенационального количества прибавочного труда и прибавочной энергии.

Содержание Церкви и священнослужителей осуществляется добротной лептой, а в некоторых странах бюджетными отчислениями.

h) Роль торговли огромна и ничуть не уступает сфере производства, так как изготовленное изделие включается в жизненно необходимый экономический цикл лишь после того, когда найдет своего покупателя. Работники торговли и финансовых учреждений несут важную функцию в общем процессе, не уступающую по важности и значению роли производителей изделий и продуктов сельского хозяйства. Поэтому абсолютно недопустима недооценка торговли.

i) Сокровища не создаются трудом и творческими идеями, и вследствие этого их обладатели представляют особый случай.

Например изыскатели обнаруживают на земельном участке полезные ископаемые, посторонняя фирма по договоренности с хозяином участка строит на нем завод и начинает разработку ископаемого. Права хозяина участка на долю прибыли несомненны. Но размер его доли должен делиться с учетом ряда обстоятельств. Энергетическая природа образования стоимости учитывает не только произведенный вклад энергии, но и творческие идеи, дающие возможность реализовать данное предприятие. Поэтому доля хозяина в прибыли предприятия, разрабатывающего недра его земли, зависит от меры его участия в находке сокровища и его последующей разработке.

j) По тем же причинам особо должны быть выделены наследники.

Если молодой человек, получив в наследство действующий завод, по причине неподготовленности или отсутствия призвания не стремится занять на нем руководящее положение, то он поступит правильно, передав этот завод в руки опытного управляющего. Оставшаяся после компенсации труда управляющего прибыль наследника вполне законна, так как должна рассматриваться как оплата творческих идей покойного создателя дела, на основании которых продолжает работать завод.

Необходимо требовать от всех дееспособных владельцев средств, лично не занимающихся ведением своих дел, обязательного полезного труда. Иначе такого собственника следует рассматривать как паразита.

k) Принцип частной собственности оберегает и поощряет любые накопления, положенные в банк, где их используют на благо развития экономики.

Когда предприниматель, проработавший 20—25 лет, переходит в старости на положение рантье, то его следует рассматривать на общем уровне людей, заслуживших пенсию.

l) Вследствие того, что стремительное развитие общества без катаклизмов и катастроф может происходить только при условии действительного этического контроля со стороны лучшей части людей доброй воли, необходимо часть прибыли отчислять в фонд их организаций.

§ 2. Природа экономической системы СССР

1. Партийная олигархия КПСС именуется социализмом установленный в СССР режим угнетения

Экономическая система СССР является в действительности принудительным сверхмонопольным государственным капитализмом.

a) Управление всеми звеньями хозяйства страны сосредоточено у государства и находится в руках класса высшей партийной бюрократии, так называемых номенклатурщиков.

b) Элементы капитализма, как, например, работодатель, деньги, заработная плата, прибыль, наемная рабочая сила, банки, кредит, торговля, рынок, игра государства на иностранных биржах и пр., наличествуют, но претерпели ряд искажений в направлении безусловного подчинения личности воле государства во всех сферах жизни.

c) Основы капитализма, как частное предпринимательство, частный наем рабочей силы, частная торговля, собственность на средства производства, изгнаны и считаются преступлением. Это неоспоримо свидетельствует о принудительной бескомпромиссной тоталитарной сущности данного государственного капитализма.

2. Природа государственного советского капитализма привела к следующему:

a) Население эксплуатируется, а выжатые из него средства бесконтрольно и произвольно расходуются.

— После захвата власти большевиками с первых месяцев началось безудержное ограбление деревни сначала в форме тотальной, а потом убийственной эксплуатации третьего рода. Систематически с 1918 по 1921 годы так называемые продотряды забирали у крестьян все, что уда-

валось обнаружить. В 1922—1923 годы это привело к голоду более 30 миллионов крестьян.

— Убийственная эксплуатация крестьян широко существовала в 1931—33 годы, когда во время коллективизации намеренно вымаривали тех, кто не соглашался с вводимым рабством.

— В остальное время колхозная деревня подвергалась тотальной эксплуатации третьего рода.

— Непрерывно используется принудительный труд мобилизованных слоев населения и заключенных. Количество последних при Сталине достигало 20 миллионов. Эксплуатация заключенных была в то время тотальной, переходящей в убийственную. Убийство заключенных происходило от непосильной работы в бесчеловечных условиях при совершенно недостаточном пайке.

В период снабжения населения городов по карточкам (1918—1921, 1929—1934, 1941—1947) эксплуатация рабочих и служащих была как правило тотальной второго рода, но нередко переходила в убийственную. Она продолжала быть тотальной и в годы сталинских пятилеток.

В послесталинский период (1953—1973) убийственная эксплуатация в заметных размерах больше не применялась и основной формой стала тотальная эксплуатация второго рода. Эта эксплуатация не касалась высококвалифицированных одиночек, заработок которых перекрывал их необходимые потребности.

Эксплуатация во многих случаях отсутствовала или была переносимой лишь во времена краткого возврата к капиталистическим формам хозяйства, так называемый период нэпа (1923—1927).

b) Режим сразу обнаружил свою захватническую сущность, приступив немедленно к реквизиции средств сообщения, заводов, шахт, индивидуальных владений вплоть до многочисленных мелких сбережений. Такие действия следует приравнять к тотальной эксплуатации третьего рода.

c) Поскольку в СССР партийные руководители широко применяют все виды тотальной и убийственной эксплуатации, население огромной страны уже больше полвека содержится в таких условиях только с помощью методов диктатуры, насилия, террора. Господствующий класс (номенклатурщики) на выжатые из населения путем эксплуатации средства содержит огромный аппарат сыска, подавления.

3. *Официальные советские источники определяют «социализм» следующим образом:*

«Социализм — первая (низшая) фаза коммунистической общественно-экономической формации, отличающаяся от ее второй (высшей) фазы степенью экономической зрелости нового общества и уровнем развития коммунистической сознательности масс. Социализм приходит на смену капитализму и характеризуется господством общественной собственности на средства производства, ликвидацией эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком, планомерным развитием народного хозяйства, что обеспечивает непрерывный ускоренный рост производительных сил и на этой основе все более полное удовлетворение постоянно растущих потребностей членов общества.

Руководящий принцип распределения при социализме — распределение по труду.

Социалистический строй обеспечивает для всех членов общества право на труд».¹³

Разберем по порядку перечисленные признаки социализма.

a) «Господство общественной собственности на средства производства».

Юридический собственник на средства производства — государство. Общественная собственность — это фикция, семантический обман. Фактически все находится в руках класса «номенклатурщиков». Его лидеры издают директивы, на основе которых органы государства управляют все-

ми отраслями хозяйства страны, а также поведением и мыслями подданных.

Лидеры партии бесконтрольно и беспрепятственно распоряжаются финансами и всеми статьями дохода страны, используя их по своему усмотрению.¹⁴

Лучшим доказательством являются огромные штаты тайной полиции, исследования в области массового уничтожения людей, крупные средства, выбрасываемые за пределы страны на поддержку идей, которые противоречат интересам народа и являются заблуждением класса партийных бюрократов.

b) «Ликвидация эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком».

За время советской власти уничтожение действительно происходило в широких масштабах. Уничтожили промышленников, заводчиков, домовладельцев, торговцев, финансистов, помещиков, духовенство, офицерство, казачество, зажиточное крестьянство, а заодно множество обыкновенных крестьян, рабочих, кустарей, ремесленников, чиновников, большую часть интеллигенции, огромное число верующих.

Эксплуатация человека человеком была не ликвидирована, а организована с первых дней после захвата власти, продолжалась более полвека и не прекращается по нынешний день. Иначе господствующий класс выпустит власть из своих рук.

c) «Планомерное развитие народного хозяйства».

Принудительная эксплуататорская сущность государственного капитализма выражена в так называемой «плановости». С ликвидацией частно-капиталистических предприятий были уничтожены товарный рынок капитализма, конкуренция и тем самым регулирующая сила рыночных отношений. Гибкие жизненные формы были заменены громоздким чиновничьим аппаратом. Вместо регулятора рынка был установлен псевдонаучный произвол чиновников. «Плановость» привела к «количеству вне обязательного качества», к жутким наценкам и т. п. В бывшей России не часто прибыли торговцев и промышленников превышали 5%, в данной системе никого не удивляет наценка в 400—500%. Так население немедленно отдает назад свою жалкую зарплату, так с него окончательно сдирают шкуру.

d) «Руководящий принцип распределения при социализме — распределение по труду... Социалистический строй обеспечивает всех... правом на труд».

В лучшем варианте этот обеспеченный труд населения крайне низко оплачивается, в худшем — работа происходит за мизерный паек, являющийся признаком тотальной эксплуатации. Трудящиеся бесправны. Они не могут вести экономическую борьбу и отстаивать свои интересы, так как это карается законом. Поэтому спокойно существуют чудовищные нормы выработки, катастрофически низкий уровень техники безопасности, прошевые пенсии по инвалидности и предельно низкие пенсии по старости.

§ 3. *О борьбе с тотальной и убийственной эксплуатацией*

1. Убийственная и тотальная эксплуатации возможны лишь в отношении поработанного населения. Если режим держится на такой эксплуатации, то он тем самым выдает себя с половой как поработитель и деспот. Эти виды эксплуатации позорны, и всеми средствами от них следует освободиться.

Бесчеловечное отношение тоталитарных режимов к подвластным им народам основано на грубо ошибочном марксистском утверждении о самоосвобождении «социалистической» системы от эксплуатации. Оно звучит издевкой, так как лидерам таких режимов великолепно известно количество прибавочного труда в разных видах, которое они присваивают, а затем бесконтрольно расходуют по своему усмотрению. Однако необходимо довести до сведения, вернее, до сознания лидеров научно обоснован-

¹⁴ Формальные «бюджеты» мало кого интересуют. Суть в статьях расхода, о которых кроме верхушки господствующего класса никто не знает.

¹³ Большая советская энциклопедия, т. 40, стр. 153.

ное представление о природе прибавочного труда. Возможно, лидеры поймут, что эксплуататором является именно представляемая ими система, а ведущие страны капиталистического мира давно освободились от производственной эксплуатации, изживают бытовую и не запытали себя ни тотальной, ни убийственной формами эксплуатации. Для прозрения лидеров необходимо ознакомить также население деспотий с действительным положением.

Если лидеры после рассмотрения доказательств из узко эгоистических соображений будут продолжать недопустимую бесчеловечную эксплуатацию, то их режим следует подвергнуть всестороннему давлению вплоть до международного бойкота и других санкций.

2. Если для победы некой концепции требуется порабощение народа, делающее возможным введение убийственной и тотальной эксплуатации, то это доказывает, что организация, породившая концепцию, не имела право брать власть в свои руки, защищать ее и вести войны ради ее закрепления. Подобная концепция грубо ошибочна, нежизненна, противоречит законам природы и естеству человека. Если цели реализуются такими страшными средствами, то это доказывает, что все завлекательные обещания являются одной вывеской, а суть дела в установлении своего господства. И если, невзирая на все протесты и сопротивление народа, такая организация продолжает проводить намеченное закабаление, то это означает, что реализуются планы захвата власти любой ценой. Для борьбы за истинное благо народа требуются иные средства и отвечающие им достижимые цели.

3. Если при убийственной и тотальной эксплуатации населения ведут войну, то это доказывает банкротство идей такого правительства. Оно действует против элементарных человеческих прав и, чтобы привести свои требования к исполнению, превращает народ посредством крайних мер террора в послушное стадо полурабов.

Правительство такой воюющей стороны следует объявить военным преступником, коль скоро оно само нарушило общечеловеческие нормы и естественные права человека. Такое правительство обязано вызывать во всех цивилизованных странах безусловное осуждение, и его деяниям следует давать дружный совместный отпор.

Точно так же к позорному столбу надо пригвоздить страну, захватившую другую страну и устанавливающую там свой режим эксплуатации.

Если правительство заставляет население, находящееся на голодном пайке, выполнять военные заказы, то оно тем самым сознательно проводит принудительную эксплуатацию методами насилия, и эксплуатация в виде крупных пятен проступает на знаменах такого государства.

4. Широко применяемые в тоталитарных деспотиях «субботники» и «воскресники», то есть бесплатная работа в свободное время, когда после трудовой недели человек имеет право на заслуженный отдых, а также бесконечные послерабочие часы отсиживания на производственных и профсоюзных собраниях являются откровенной эксплуатацией. В первом случае весь выполненный труд присваивается государством, во втором имеет место бытовая эксплуатация, так как отнимается у населения время, необходимое для бытовых нужд и воспроизведения рабочей силы. С этими явлениями следует также вести непримиримую борьбу.

5. Ученым и творцам оружия следовало бы отдать себе отчет, за чей счет построены их лаборатории и полигоны, куплены приборы и другое оборудование и не оказываются ли они сами, не являясь эксплуататорами, втянутыми в грязное дело эксплуатации, когда непосредственно используется прибавочный продукт, выжатый из населения.

В 1918—1921 годы в советской России продукты из деревни, полученные в форме тотальной и убийственной эксплуатации, шли на удовлетворение потребностей партии, органов подавления, армии. Партия, «органы» и армия являлись прямыми сверхэксплуататорами крестьянства, так как их решениями, волей и в их пользу производилось ограбление деревни. Остатки награбленного шли полезной для органов террора и насилия части населения. По грозной иронии событий несчатное, вымирающее, голодное, голодное городское население, получавшее мизерный паек, оказалось объективно участником дележа продуктов, добытых столь позорным способом из деревни.

6. Применение убийственной эксплуатации является тяжчайшим преступлением против человечности, морали, права. Режимы, широко пользующиеся тотальной и убийственной эксплуатацией, не имеют права на существование, и их правящие классы, пока не поздно, должны понять преступность своей роли и приступить к перестройке системы на основе энергетических законов жизни общества.

Освободительное движение

Дмитрий Панин в своей только что вышедшей книге «Записки Сологодина» (Посев, 1973) пишет следующее: «Нацизм, презиравший на основе своей расовой теории другие народы и стремившийся поживиться на их счет, вызывал у нас, естественно, резко отрицательное отношение. Я не встретил ни одного подсоветского человека, который оправдывал бы нацистов. Но Гитлер обещал войну против Сталина, и это давало надежду и силы переносить жуткие условия существования, терпеливо дожидаясь своего часа. Разные слои населения ждали войны как освобождения, и им было все равно, кто ее развяжет. Мечтали только о том, чтобы она скорее началась» (стр. 28).

Панин открыто высказывает то, что действительно было, что знали почти все, кто в те годы жил в Советском Союзе, но что, как правило, теперь не принято произносить. Советской пропаганде удалось внушить всему миру, что война — это при всяких обстоятельствах — самое худшее зло, какое только может быть на свете. Хотя и Пастернак писал в своем романе «Доктор Живаго»: «И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по срав-

нению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы» (стр. 519, Милан, 1957). Но очень многие искали в войне не только избавления от «колдовской силы мертвой буквы» путем реальных ужасов войны, но и надеялись на жизнь, если не непременно для себя лично, то для народа, для России, надеялись на возрождение после того, как страшной операцией войны тело страны будет, наконец, очищено от «власти мертвой буквы». Многие надеялись на войну. Следует это теперь сказать, потому что постепенно это может забыться и останется только распостраняемая советскими пропагандистами легенда, что все русское население как один с самого начала сражалось за Сталина. Благополучные люди Запада должны были бы задуматься над тем, в каком состоянии находится народ, если самые обыкновенные люди, не сверхгерои и не изверги, могли мечтать о войне как об исходе, об освобождении из-под ставшего совершенно невыносимым гнета.

Предсоветские люди часто ошибались в отношении Запада в одном: они предполагали, что на Западе более осведомлены об истинном положении вещей в Советском Со-

юзе, о настроениях и чаяниях народа. Кроме того, мало кто допускал мысль, что германское руководство поведет политику, которая окажется совершенно пагубной для него же самого. Хотя бы из чисто эгоистических соображений ожидалась более умная политика. Тот же Панин пишет: «Никто из нас не мог допустить, что немцы явятся не как освободители, а как завоеватели. Последнее означало бы полное непонимание действительного положения в стране» (стр. 62). Это полное непонимание было налицо. Но вот, прожив уже 30 лет на Западе, я убедилась, что полное непонимание не обуславливалось исключительно идеологией национал-социалистов. Его обуславливали варварские планы, которых демократическое правительство не могло бы иметь, но непонимание действительного положения страны среди демократов и либералов и по сей день не менее ощутительно, чем тогда оно было у немцев. Даже можно сказать, что тогда еще были в немецкой армии русские немцы, которые понимали истинное положение в стране и старались, хотя и безуспешно, направить немецкую политику в спасительное русло. К таким принадлежит автор книги «Против Сталина и Гитлера» Вильфрид Штрик-Штрикфельд и многие из его товарищей. Есть ли подобные люди, понимающие действительное положение страны, среди западных демократий, трудно сказать.

Перед второй мировой войной люди были до такой степени измучены и запуганы, так устали каждую ночь ждать ареста, что даже и те, кто был еще на свободе (относительной свободе), в большом числе возлагали свои надежды на войну. Ожидали, конечно, не завоевателей. Здесь дело идет не о наивности. Были, ясно, и наивные, но большинство рассчитывало, как уже было сказано, не на альтруизм, а на разумный эгоизм тех, кому пришлось бы вести войну с Сов. Союзом. Кроме того, люди невольно судили по примеру действия советского правительства, которое они могли наблюдать. Нужно отдать должное известной ловкости этого правительства, оно всегда стремится разделить народ какой-нибудь другой страны и его правительства и создать новое, послушное себе правительство, даже там, где для этого нет никакого базиса. Хотя во время войны 1939—40 гг. против Финляндии поистине весь финский народ единодушно поднялся против захватчиков, советское правительство все же попробовало использовать инструмент марионеточного правительства. В каком-то небольшом местечке на узкой полосе финской территории, захваченной советскими войсками, было создано «народное» правительство под руководством старого коминтерновца Отто Куусинена, жившего до того времени в Москве. Товарищ Куусинен вдруг превратился в «господина Куусинена», главу «независимого народного» правительства, и с ним был заключен договор дружбы. Начали спешно создавать «народную» финскую армию, для чего переодевали в фантастические формы советских граждан карельского и финского происхождения, объявляя их «финскими патриотами». Все это было совершенно искусственно и не нашло ни малейшего отклика в финском народе. Когда выяснилось, что громадный Сов. Союз не может одолеть героического сопротивления маленького финского народа, «правительство» Куусинена было под шумок снова расформировано, так же, как и «народная финская армия».

В России не надо было создавать искусственного марионеточного правительства. Ненависть к режиму была так велика, жажда нормальной человеческой жизни, жажда возрождения русского народа так сильна у очень многих, что если бы немцы только допустили, русское антикоммунистическое правительство создано бы само и добровольно заключило бы союз с Германией, под условием, конечно, что его рассматривали бы как союзника, а не как сателлита. Больше половины почти четырех миллионов пленных были перебежчики, которые готовы были сейчас же взять в руки оружие, чтобы сражаться против антинародной сталинской власти.

Гитлер и национал-социалистическое руководство этого не поняли и не хотели понять. Они чрезвычайно переоценили свои собственные силы, надеялись победить

без помощи русского населения и сделать из Украины и многих частей России колонии. Они считали, что в союзнике они не нуждаются.

Неповторимая трагедия тех лет заключалась в том, что измученный народ оказался между двумя тоталитарными, жестокими режимами, как между молотом и наковальней. Выбирать приходилось из двух зол меньшее, но какое было меньшим — никто не мог сказать с полной уверенностью. То, что настроение на фронте переменялось и солдаты советской армии стали решительно воевать, не за Сталина, не за коммунизм, а за родину, вполне понятно. Сам Сталин и его коммунистическое руководство поняли, что народ не хочет умирать за них, за их господство и поспешили выдвинуть патриотические национальные лозунги. Даже так жестоко преследовавшаяся до сих пор церковь была поставлена на службу оборонческой пропаганды.

Но следует понять и таких людей, как Власов и его сподвижники, а также и многих других, во влассовском движении непосредственно не участвовавших, но все еще искавших путей борьбы со Сталиным. Они были уверены, что немцам ни в коем случае не удастся удержать в своих руках всю Россию, тогда как Сталину это удалось и, как мы впоследствии могли убедиться, удалось еще десятилетия после войны, если не ему самому, то его наследникам. Удастся и по сей день удерживать не только Россию, но и восточноевропейские страны, несмотря на попытки сбросить коммунистическую тиранию. Попытки создать русское антикоммунистическое движение в союзе с немцами были до Власова, и как эти попытки, так и старания Власова исходили из того, что если бы удалось создать сильное движение и значительную армию, они скоро оказались бы хозяевами страны.

Не следует рассматривать дело так, что сначала появился Власов, а потом ему удалось уговорить или побудить многих соотечественников последовать за ним, что он увлек их своими идеями. Наоборот. Надежды на свержение режима, желание бороться с ним были в большей или меньшей степени повсеместно. Уже и до Власова спонтанно организовывались группы и комитеты надеялись войти в соглашение с немцами для совместной борьбы против коммунизма. Но их постигло разочарование. Таким образом, Власов был отетом на широко распространенное настроение, стремление, желание. Дело его пошло из-за преступной и глупой политики Гитлера.

«Зарубежье» уже печатало в № 3—4 (35—36), 1972, отрывки из книги Штрик-Штрикфельда. Отрывки были подобраны так, чтобы дать портрет Власова, его идей и движения, носящего его имя. Теперь мы хотим привести еще несколько отрывков из этой книги, которые показывают попытки русских еще до Власова бороться против Сталина. В других приводимых отрывках — мысли Власова относительно объединенной Европы, которые во многом предвосхищали его время.

В. ПИРОЖКОВА

СМОЛЕНСК И РУССКИЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ*)

В Смоленске установились оживленные связи между некоторыми офицерами Глазной квартиры и многими видными городскими семьями. Несмотря на крайнюю нужду, русское гостеприимство было стихийным и сердечным. Разговоры велись на высоком уровне, будь то по вопросам образования или искусства, философии или политики. Очень скоро мы дошли до самой актуальной темы:

«Вы, немцы, освободили нас от сталинского режима, который, если хотите, и к коммунизму уже не имел никакого отношения. За освобождение мы вам благодарны; да и наши коммунисты и социалисты будут вам благодарны... Но что же дальше? Чем дольше мы наслаждаемся бла-

*) Wilfried Strik-Strikfeldt, Gegen Stalin und Hitler. General Wlassow und die russische Freiheitsbewegung. Mainz, 1970.

гами принесенной вами свободы, тем более крепнут наши сомнения. С такими методами вам никогда не взять Москву и никогда не выпрять войны, не говоря уже о завоевании доверия русского народа».

Один немецкий подполковник, в прошлом офицер императорской австрийской армии, пытался рассеять сомнения хозяина дома, сославшись на то, что «пруссаки никогда не проявляли большого умения в обращении с другими народами. А уж нацисты тем более — это они уже показали в Австрии, Польше и на Балканах. Конечно, туда надо было посылать австрийцев».

К сожалению, я забыл имя этого офицера. Он собрал под свое крыло многих еврейских ремесленников из Смоленска и из маленьких городов и дал им работу в организованных им армейских мастерских. Под этим флагом ему удалось обеспечить этим евреям-ремесленникам человеческое существование. Русские говорили, что под Сталиным такое самовольство офицера было бы совершенно невозможно. Поэтому они находили, что у нас все же была свобода и независимость.

Смоленский кружок раздумывал о свободе и о будущем русского народа.

Очень скоро наши беседы приняли серьезный характер. Русский кружок был готов взять на себя инициативу по организации активного сотрудничества населения оккупированных областей в борьбе против Сталина. Мы ограничивались советами русским, исходя из нашего практического опыта, так как слишком широка и глубока была пропасть между их представлениями и нашей действительностью; лишь продуманный синтез мнений обеих сторон ставил вопрос о совместной деятельности на реальную почву.

Осуществление этой цели и было, собственно, как я уже говорил, задачей «посредника» между обоими мирами.

Так был совместно составлен адрес породской думы Смоленска «вождю германского государства». Кружок, принявший наименование «Русского Освободительного Комитета», изъявил готовность призвать русское население на борьбу против Сталина и выставить Русскую Освободительную армию в миллион солдат. Предпосылками должны были явиться: признание границ 1939 года, равноправное положение русского народа и образование независимого русского национального правительства на демократической основе. Текст этого адреса, в художественном оформлении и в папке из парчи, был передан Боку*), вместе с наполеоновской пушкой — как благодарность за освобождение города. Бок запросил Главную ставку фюрера о том, может ли он переслать туда адрес, кратко указав на суть последнего. Ему разрешили это сделать.

Итак, спрашивали мы себя, есть все же надежда на изменение нынешней политики в русском вопросе?

Но недели проходили, а ответа из ставки фюрера все не было. После повторных запросов, однажды сообщили, что ответа не будет. Политические дела не касаются штаба фронта.

Бок поручил тогда начальнику своего штаба Грейффенбергу выразить Освободительному Комитету его, Бокка, личную благодарность за оказанную ему подарком честь, но одновременно сообщить об отклонении Кейтелем «адреса».

Я сопровождал Грейффенберга в этой поездке в Смоленск. По дороге мы обдумывали — в какой форме передать это членам думы, чтобы не испортить дело еще больше. По приказу Бокка городской думе было передано два вагона медикаментов для городской больницы.

Когда Грейффенберг, запинаясь, заговорил об «адресе» городской думы, русский представитель прервал мой перевод: «Скажите, пожалуйста, генералу, что не нужно объяснять дальше. Если в этот решительный час рассмотрение нашего предложения заняло столько времени, ответом может быть только отказ. Ваше правительство, очевидно, еще не поняло всей серьезности положения».

Грейффенберг коротко поблагодарил и этим избежался от необходимости лгать.

Русские держались очень тактично, отказавшись от дальнейших вопросов.

Молча поклонившись, Грейффенберг вышел.

Воззвание Смоленского комитета

Между тем различные события внушили нам новые надежды.

Вследствие стараний д-ра Бройтигама, очевидно, в качестве связанного офицера от Восточного министерства в ОКН, постоянно настаивавшего на изменении германской политики на Востоке, Розенберг решился на попытку обсудить политические мероприятия, которых требовало военное руководство для облегчения положения фронтовых войск. В конференции, состоявшейся 18 декабря 1942 года, участвовали крупные офицеры ОКН, фронта и тыловых областей.

Генерал фон Шенкендорфф, полковники фон Альтенштадт, Тресков и другие офицеры осуждали на этой конференции отсутствие единой политической целенаправленности, неверное отношение к населению, требовали равноправного положения добровольцев с фронтовыми войсками германской армии.

Эта конференция Розенберга и просочившиеся сообщения о том, что на главного идеолога национал-социализма произвели большое впечатление аргументы присутствовавших военных руководителей и он обещал настаивать перед Гитлером на коренном изменении восточной политики, побудили к действиям не только «клуб», но и многие крупные штабы, тем более, что во фронтовых частях все более распространялось убеждение о невозможности вести дальше войну без участия русских. За конференцией последовал поток меморандумов и разного рода распоряжений. Мартин показал мне и Власову приказ фельдмаршала фон Манштейна относительно обращения с гражданским населением, в котором был совсем новый дух.

Генерал Штапф, начальник Хозяйственного штаба Восточного фронта, нанес Власову визит и после того дал категорический приказ хорошо относиться к восточным рабочим в сфере его управления. Наконец, Гелен составил в Генеральном штабе знаменательный документ о борьбе с партизанами. В нем он требовал, чтобы использовались отряды, составленные из местных жителей, и, как предпосылку для этого, радикальную перестройку во всех вопросах наших взаимоотношений с русскими. При этом он основывался на моем меморандуме «Русский человек». Он сделал и следующий шаг, попросив через меня Власова, как «союзного офицера», дать ему меморандум о партизанской проблеме и о военном положении Советского Союза.

Эта разработка «штаба Власова» завершилась, естественно, призывом русских офицеров дать народу свободу, после чего исчезла бы партизанская опасность. Гелен был связан жесткими указаниями о том, что офицеры должны быть аполитичны, так что этот призыв превышал его полномочия.

Несмотря на эти неудачи, несмотря на ставшую известной неудачу Розенберга при его решающем докладе Гитлеру и вопреки отданному после этого приказу Кейтеля о запрещении военнослужащим какой-либо политической деятельности, русские были все же ободрены шагом Гелена. Они были склонны видеть в этом проявление воли к признанию их равноправными союзниками; в то же время они удивлялись тому, что такие стремления можно высказывать, что, по их словам, «под Сталиным ни в коем случае немыслимо».

В такой атмосфере, по инициативе Рёнке, произошло возрождение старого плана деятельности «Русского Освободительного Комитета в Смоленске». В начале осени 1942 года штаб Среднего фронта одобрил этот план. По соглашению между Отделом чужеземных сил Востока ОКН и Отделом военной пропаганды ОКВ/Рг, воззвание Комитета должно было быть сброшено на сталинградском

*) Командующий средним участком фронта.

фронте в миллионах экземпляров; в таком количестве листовки еще не издавались. В воззвании следовало ясно наметить политические цели. Военным руководителям Красной армии, бывшим тогда в очень трудном положении, эта листовка должна была указать путь в новое будущее, а красноармейцам — на бессмысленность их сопротивления. Тогда германская армия еще вела победное наступление. Момент для политической акции казался подходящим. Но, как мы видели, проходили месяцы, а в политическом направлении не произошло никаких сдвигов. Я не знаю, мог ли кто-либо спустя 3—4 месяца, в ноябре 1942 года верить всерьез в признание «Русского Освободительного Комитета». Но Гроте не сдавался. Он придумал выход, чтобы быть готовым на случай признания Русского Комитета пропагандным успехом поставить германское руководство перед свершившимся фактом. В свое время он получил разрешение на листовку с «13 пунктами», включавшими политическую программу, но не накладывавшую никаких обязательств на германское правительство. Поэтому на публикацию этих «13 пунктов» Гроте не требовалось нового разрешения. Если эта программа будет подписана не только пажанданами Смоленска, но и Власовым, в успехе листовки можно было не сомневаться.

Эта листовка лежала уже давно в сейфах Восточного министерства, и Рёнке, находившийся в Лётцене в ОКН, хотел провести эту акцию с листовками в районе Сталинграда как можно скорее. За это время положение на сталинградском участке изменилось в худшую для нас сторону и уже вырисовывалась роковая судьба армий под Сталинградом. Что ранней осенью 1942 года, могло помочь победе, то теперь должно было спасти нас от поражения.

Власов и все сотрудники его штаба по принципиальным соображениям сначала отклонили эту акцию из-за безответственного содержания документа. Было одно единственное исключение: особенно опытный с точки зрения политики и тактики Зыков полностью поддержал мысль Гроте о том, чтобы поставить германское правительство перед свершившимся фактом. Он говорил: «Дайте только чертёнку выйти из бутылки, он уже сработает». В конце концов, Власов дал свое согласие; Зыков переработал текст.

Так как Ведель, как начальник ОКВ/Pr, несмотря на все доводы Гроте, не решался провести запланированную акцию без нового согласия Восточного министерства, необходимо было любой ценой добиться разрешения Розенберга. Неожиданный счастливый случай пришел на помощь общему делу немцев и русских и позволил нам, как казалось, сделать большой шаг вперед.

В одном дружеском кругу я познакомился с доктором медицины Р. Он, как военный врач частей СС, имел доступ к Гиммлеру, а также и к Розенбергу, кроме того, он принадлежал к тем, кто самым острым образом критиковал режим и особенно политику в оккупированных восточных областях. Р. свободно говорил по-русски. Он принял Власова в начале января 1943 г. в своей частной квартире и критиковал в присутствии Власова немецкую восточную политику с такой резкостью, какой я не слышал даже среди офицеров. Между прочим, он заявил, что Гитлер не имеет ни малейшего понятия о положении в России, его надо еще «научить России». Он обещал Власову и мне заняться планом с листовками и «разрубить Гордиев узел», так как старания Гроте получить согласие Розенберга все еще оставались безуспешными. Я положился на д-ра Р., который производил впечатление честного и твердого человека.

В ночь с 11 на 12 января 1943 г. меня неожиданно позвали к д-ру Р., который предложил мне прямо-таки авантюрный план с листовками. Это была лунная ночь, полная воздушных тревог и налетов. «Все успехи Третьего Рейха, — сказал д-р Р., — покоятся на ошеломлении противника, так вот теперь я хочу ошеломить Розенберга завтра, в день его рождения, призывом Смоленского комитета».

Мне это короткое сообщение сначала представилось хвастовством. Но на другой день зазвонил мой телефон на службе и знакомый голос д-ра Р. сказал по-русски: «Говорит „чертова бабушка“. Разрешение на печатание и распространение воззвания только что подписано министром. Позаботьтесь о том, чтобы его сейчас же забрали, пока „барин“ не пожалел о том, что дал подпись. И это возможно! Надо действовать быстро, очень быстро».

Это известие было таким неожиданным, что мы сначала сочли его шуткой. Но Гроте, который был связным офицером между военным командованием и Восточным министерством, сейчас же использовал представившуюся возможность и через короткое время вернулся с подписанным разрешением в кармане...

Я должен высказать похвалу Гроте: уже через несколько часов заранее приотсележенные ротационные машины напечатали несколько миллионов экземпляров листовок со «смоленским призывом». Рассылка и распространение функционировали быстро и надежно, так же как и информирование наземных и воздушных войск. Очень скоро пришло также сообщение, что немецкие самолеты «сбились с пути» и листовки сброшены не только по ту, но и по эту сторону фронта, что было строго запрещено. В Смоленске текст был перепечатан в местной типографии. Кроме того, русские переписывали его от руки, и он быстро распространялся. Как степной пожар, распространилось среди русских сообщение о «новом духе в политике». Гроте и я понимали, что мы не имели большой заслуги в том, что немецкий самолет «сбился с пути» и бросил листовки по эту сторону фронта. Но мы радовались, что русская идея свободы прорвалась в общественность и стала свершившимся фактом.

Наземные войска и воздушные силы уже месяцами ждали с нетерпением решения верховного политического командования. Теперь они хотели использовать все возможности, невзирая на близорукое ограничение Берлина. Сами военные без всякого понукания с нашей стороны позаботились о возможно широком распространении воззвания. Так же и дивизии в тылу способствовали распространению, надеясь на помощь населения в борьбе с партизанами. Но самое главное было то, что миллионы русских взяли новую надежду.

Однако, несмотря на Сталинград и несмотря на явный успех политической акции, вскоре пришел приказ: обращение Смоленского воззвания предназначено только над территорией противника! Распространение по эту сторону фронта запрещено! Виновные будут наказаны! Розенберг и Кейтель снова объединились.

Фронтные офицеры не могли понять, что Берлин играет такую двойную и к тому же вполне прозрачную игру. Если то, что сказано в воззвании Освободительного Комитета, не относится к населению оккупированных областей, то все, что немцы говорят, — это ложь и обман! Советская разведка в оккупированных областях функционировала великолепно. Было ясно, что советы очень скоро используют этот «новый немецкий обман».

Генерал Власов был разочарован. Он только удивлялся, что в национал-социалистической Германии было еще возможно как-то тянуть в другую сторону и что таких людей, как д-р Р., Мартин, Гроте и Штрикфельд, не поставили уже давно к стенке. Его доверие ко всем этим людям было подкреплено, но его надежды на политический успех значительно уменьшились.

Генерал Жилинков ограничился замечанием: «Клубу самоубийц помочь, к сожалению, нельзя. Жаль только, что мы все погибнем вместе с этими самоубийцами».

Приблизительно в то же время меня посетил один чиновник из министерства пропаганды. Он сказал, что Геббельс решил говорить с Гитлером и настаивать на радикальном изменении восточной политики. Он намерен предложить Гитлеру в «Прокламации вождя» объявить «восточным народам» политическую линию, которая очень приближалась к нашим представлениям. Геббельс определенно заявил, сказал мой собеседник, что это принципиальное решение «на вершине» разрешит, без сомнения, все другие вопросы, как основание Национальных Комитетов,

создание органов самоуправления, проблему хозяйственного строительства, создание национальных военных частей и т. д.

Конечно, Геббельс был в этом прав, хотя он исходил не из более высоких идеалов европейской идеи, а из желания спасти гитлеровское государство.

«Хотя Геббельс все еще говорил о «восточных народах», — заметил мой друг, — он все еще не понял всего, но все же это большой прогресс, что один из важнейших сотрудников фюрера так решительно высказывается за перемену политики».

Но уже через несколько недель мы узнали, что Геббельс получил отказ от своего коллеги Розенберга и, возможно, от самого Гитлера.

Уже запланированная Мартином встреча между Геббельсом и Власовым была перенесена на более позднее время.

ПОЕЗДКА ВЛАСОВА В СРЕДНЮЮ РОССИЮ

Призыв Русского Комитета в Смоленске имел необыкновенный успех, и именно особенно в средней России. На юге исход сражения за Сталинград был самым важным событием, но и там восприятие было позитивным. А на среднем участке в немецких дивизиях появлялось все больше перебежчиков из Красной армии. Но прежде всего, русское население возымело новые надежды, несмотря на Сталинград. Перемена настроения была заметна и у русских добровольцев в немецкой армии.

Гелен, Рёнке и другие офицеры генерального штаба шли последовательно своим путем. Также и Клоге*) понял, наконец, что надо действовать. Он согласился на посещение Власовым этого участка.

Мне очень хотелось сопровождать Власова в этой поездке, но разные берлинские дела помешали этому. Неожиданно проблема образования Национального Комитета стала снова актуальной, несмотря на отрицательное отношение Розенберга. Проте вел в это время тяжелую борьбу, так как дело шло о важных решениях.

Я не знаю, кто был инициатором и актером этой новой акции в восточном министерстве. Трудно произнести вместе такие имена, как Лейбрандт, Кнопффер, Бройтигам, Циммерман и Менде, так как каждый из них представлял иное направление.

Акция была, видимо, вызвана переговорами, которые Розенберг вел с квартирмейстером Вагнером и другими офицерами в декабре 1942 г.

Хотя сначала Розенберг и офицеры получили отказ в Ставке фюрера, но благодаря акции с листовками и поражению под Сталинградом проблема укрепления фронта стала особенно актуальной. Розенберг давно понял, что надо что-то делать. Он все еще сопротивлялся «всероссийской» концепции «единой, неделимой» России, но, казалось, он готов согласиться на образование Национальных Комитетов. Также и русские должны были теперь получить свой Национальный Комитет, который не являлся бы вышестоящим органом, но, возможно, получил бы равноправное положение с другими Национальными Комитетами народов Советского Союза.

Я не мог, стало быть, пока уехать из Берлина, но Рёнке обо всем позаботился...

Добровольцы встречали Власова восторженно. При посещении казачьего полка, который состоял главным образом из бывших красноармейцев, тогда как офицерами (несмотря на немецкий запрет) были преимущественно эмигранты, Власов удивлялся духу товарищества между военными, происходившими из разных областей и разных социальных слоев. Командир полка, старый эмигрант, спросил Власова, как он относится к старым эмигрантам. Власов ответил: «Мы все находимся в борьбе за существование. Каждый, кто полов борется против Сталина и готов отдать за это жизнь, приветствуется нами как соратник, откуда бы он ни прибыл. Если же кто-либо присое-

диняется к нам из личных и эгоистичных побуждений, например, чтобы вернуть потерянные имения или чтобы есть у немцев досыта, как, может быть, поступают некоторые бывшие красноармейцы, то нужно сказать, что им нет места в наших рядах».

Ответ Власова вызвал восторг.

Петерсон пришел к заключению: «Мы находимся на верном пути. На этой почве мы можем достигнуть политических и военных успехов».

Власов вернулся в Берлин в приподнятом настроении. Он первый раз вступил в непосредственный контакт со своими соотечественниками в оккупированных областях. То, что он пережил, утвердило его в убеждении, что он стоит на правильном пути.

«Только не было бы поздно», — повторял он часто. Конечно, он часто разговаривал со своими ближайшими сотрудниками, но он часто высказывал свои мысли и немецким кругам: «Долой колониальную политику! Надо признать Русский Освободительный Комитет и его программу! Покончить с разделением народов! Народы России, после освобождения от сталинского режима, должны сами решить вопрос о новом порядке. Создать Русскую Освободительную армию под русским командованием и с определением для нее четких военных заданий!».

Таковы были его требования. Соответствующий меморандум был разработан Власовым и Малышкиным и передан Проте.

Но Проте уже знал, что Розенберг вновь потерпел у Гитлера неудачу — с предложением о создании Национального Комитета, хотя настроенные в пользу Власова господа из розенберговского министерства и не признавали еще себя побежденными. С «требованиями» Власова, из тактических соображений переименованными им в «предложения», Проте неутомимо продолжал свою борьбу. Он передал предложения Веделю и снова в Восточное министерство, где их, очевидно, «замариновали».

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Весной 1943 года, как уже упоминалось, вновь остро встала проблема национальностей.

Розенберг был готов признать право на государственную независимость за украинцами, а кроме того, за рядом некоторых областей — право на национальную автономию. Только большинство населения — русские — должны были быть ущемлены в своих правах. Но было ли это, действительно, его последним словом?

Власов и его штаб выставляли свое известное требование: никакого национального дробления во время войны. Позже, заявил Власов, национальный вопрос может быть заново урегулирован на основе свободного народного решения.

Трагизм заключался в том, что Власову приписывались мысли о «великом неделимом русском государстве», что для Розенберга было принципиально неприемлемым.

Из дальнейшего изложения видно, что именно Власов был готов широко поддерживать новую «общеевропейскую концепцию».

*

По моему убеждению, национальные противоречия в русских пределах могли быть преодолены лишь в рамках общеевропейского правового и государственного порядка на основах равноправия и самоопределения.

Я — хозяйственник и не был достаточно компетентен, чтобы разрабатывать соответствующие предложения. Поэтому я воспользовался мнением знакомого человека — посланника Вернера Дайтца, некогда бывшего восторженным сторонником Адольфа Гитлера. В начальном периоде национал-социализма он разработал стройную теорию германской внешней политики. Его мысли исходили при этом из представления о «Grosslebensraum» европейской семьи народов». Я цитирую Вернера Дайтца:

*) Командующий средним фронтом после отставки Бока.

«Общеввропейская польза выше националистической (шовинистической) корысти... Важно, чтобы каждый народ располагал своим жизненным пространством. Только второстепенным является вопрос — какие государственно-правовые формы выявляются на этом бесспорном жизненном пространстве... Насилие будет заменено правом семьи народов (Рах Еуроэана)... Все народы Европы — в том числе и русские — должны соподчинить свои нормы жизни, права и территории новой общеевропейской линии... Грядущий правовой и государственный порядок будет, конечно, учитывать производственный вес отдельных народов, как отправную точку их свободы в объединении...».

У меня сохранились лишь немногие выдержки из меморандума посланника Дайтца, но мне удалось ознакомиться с некоторыми подробностями его программных соображений, относящихся ко времени, когда он еще беседовал с Гитлером о внешнеполитических и политико-экономических проблемах.

Среди них я нашел уже цитировавшееся место из речи Гитлера от 7 марта 1938 года: «Европейские народы представляют собой теперь одну семью. Не очень разумно воображать, что в таком небольшом доме, как Европа, сможет надолго сохраниться сообщество народов с различным правопорядком и разным подходом к праву».

Это был другой национал-социализм, указывающий на европейское будущее. Это было знамя, вокруг которого могли собраться малые и большие народы Европы.

Я постарался передать Власову и его друзьям эти мысли. Дайтц и его сотрудники дали мне ряд меморандумов и, в переводе, они были предоставлены Власову. Наиболее важные программные положения обсуждались затем в кругу Власова. Содержащиеся во многих местах этих меморандумов выпады против англо-американского капитализма или против евреев не заслуживали здесь обсуждения. Русские прекрасно понимали, что авторы должны были делать такие уступки, если хотели, чтобы общественность узнала об их тезисах. Идея перестройки Европы в семью народов с одинаковым правопорядком нашла живой отклик у Власова и его сотрудников.

Однако Власов и другие русские говорили: «Программа хороша. Но вы сами — вы, немцы — так же далеки от ее осуществления, как и Сталин! Европейская взаимная польза должна стоять впереди националистической корысти, а право должно заменить насилие! Но вы — вы,

немцы — лишь тогда можете заявлять претензии на водительство, если вы сами образцово осуществите эти принципы.

А пока вы придерживаетесь теории о «Великой Германии», не признающей суверенности поляков, чехов, балтийских и других народов, мы как русские должны вам противопоставлять идеи о «Великой России!» Уже просто для того, чтобы вы не зазнавались. Есть, следовательно, одна только альтернатива: либо изображенная Дайтцем семья народов с ее крупномасштабной экономической и с образующими ее суверенными народами, либо два больших блока, «Великая Россия» и «Великая Германия», с «балансированием мощи» обеих сверхдержав.

Если Германия возьмет на себя водительство в семье народов, — пусть: никто в настоящее время не будет оспаривать этого права немцев. Но так или иначе, Германия должна пересмотреть свою программу и признать также как цель европейский правопорядок. Однако, поскольку, как говорит Дайтц, решающим является производственный потенциал отдельных народов, а он может со временем перемещаться, центр водительства также может после перейти из Берлина в Москву или даже в Варшаву, Киев и Прагу, даже, может быть, в Париж или Рим».

Во всяком случае, маленькая группа Власова занималась проблемами народов Европы гораздо углубленнее, чем германское правительство. Она продумывала эти проблемы до конца. Потому и мог Власов со спокойным сознанием превосходства рассматривать подступающие к нему актуальные вопросы текущей политики. И ни в коем случае не было оппортунизмом, когда он нередко заявлял своим немецким партнерам: «Вы могли бы иметь то или другое! Европейскую семью народов или два больших блока! Чего вы хотите? Оба эти пути открыты! Только путь колонизации России я отклоняю!».

Вернер Дайтц никогда не встречался с Власовым. Он сознавал свое бессилие и однажды заметил, что любой придворный шут мог сказать своему королю больше, чем он своему фюреру. А он, Вернер Дайтц, сегодня даже и не «придворный шут». Но Дайтц все еще надеялся, что Гитлер когда-нибудь образумится. Немец Вернер Дайтц стыдился встретиться с русским Власовым, потому что национал-социалистический режим постыдно предал права человека и своими преступлениями, в том числе и перед русским народом, взял на себя историческую вину.

Вернер Дайтц окончил с собой в 1945 г.

Подвиг духа

1.

«Книгу писал, почти задыхаясь от нетерпения высказать все, что переполняло душу. Характер этого гневного нетерпения и определил все ее достоинства и недостатки».

Так, по свидетельству Владимира Максимова, писал он роман «Семь дней творения». В таких же условиях написан и роман «Карантин».*

Гневное нетерпение, страстное желание сказать все, что накопило, что переполняет душу, сказать сегодня, потому что завтра может быть поздно, потому что угроза расправы подошла вплотную, — вот что определило и высокие первостепенные достоинства, и второстепенные недостатки романа «Карантин».

Замысел романа настолько значителен, художественное воплощение его столь талантливо, что недостатки — отдельные художественные срывы — остаются в тени.

Читатель сосредоточен на главном: на самом замысле романа.

«Карантин» потрясает читателя глубиной падения человека, потерявшего, казалось бы, всякую надежду на спасение, и той духовной высотой, на которую поднимается тот же человек, совершающий подвиг духа.

Читая роман «Карантин», я вспоминал Максимилиана Волошина, его пророческое:

Из недр обугленной России
говоро: «Ты прав, что так судил».

Голос писателя Владимира Максимова звучит из недр обугленной России во всю силу. И гнев в нем, и скорбь, и надежда.

2.

Действие романа ограничено в пространстве, но не во времени. Внешне

будто и разъединенные, отдельные части романа связаны общей нитью, неразрывна внутренняя ткань его.

Неподалеку от Одессы, в пустынной лесистой местности остановился пассажирский поезд, и пассажиры увидели цепи солдат.

В Одессе холера. Поезд остановлен на шестидневный карантин.

Шесть дней пассажиры беспробудно пьют, играют в карты, ссорятся и мирятся, любят и вспоминают. Цепь лиц, судеб, событий.

Память человеческая рвет барьеры времени, и перед читателем страшная картина полувековой жизни страны. Судьба миллионов и судьбы отдельных людей.

Описание жизни в поезде, событиями не богатой, чередуется с картинами далекого и недалекого прошлого, оставшегося навсегда в памяти тех, кто ничего не забыл.

Кровавая, по слову одного из героев, вакханалия революции, беснование сталинщины, преступления, порождающие новые преступления.

* В. Максимов, Карантин, «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1973, 364 стр.

Варварский режим и большое общество: проституция и нищенство, гомосексуализм и скотоложство, растление несовершеннолетней и групповое изнасилование...

«Большой мир, — говорит герой романа, — в котором мы живем, отсюда все последствия».

Но в этом больном мире, во тьме, что опустилась на Россию в октябре семнадцатого года, свет веры. Вера в человека, и вера в Творца, указывающего путь к спасению.

История, врывающаяся в современность из воспоминаний пассажиров поезда, — это история преступлений властвующих, это само зло, воплотившееся в бесовскую действительность.

Когда еще только начиналась подготовка к революции, ее горячий сторонник и активный участник, Храмов, услышал предостерегающий, пророческий, как скоро выяснилось, голос:

«Сначала в гражданской войне перестреляете всех политических противников, а затем возьметесь друг за друга. Большой кровью умоется Россия».

И в романе — кровью залитая страна. Тюрьмы, пересылки, концлагери... Массовые расстрелы солдат, заключенных, венгерских мальчиков в 1956 году.

И полный гнева вопль женщины, обращенный к властвующим:

— Будьте вы прокляты!

И никакого будущего у страны, если пойдет она тем же путем:

«Ума не приложу, какого будущего можно добиться разбоем».

3.

В жизни пассажиров поезда, стоящего в карантине, реальное и ирреальное, рациональное и иррациональное.

Здесь люди разных возрастов, разного положения в обществе. Среди них некто, появляющийся неизменно там, где нужна помощь. Сила не злая, а добрая.

Называет себя, пряча усмешку:

— Иван Иванович Иванов.

Это его голос слышит Борис:

— Мы должны идти.

— Куда?

— Увидите.

— Зачем?

— Узнаете.

— Когда?

— Сейчас.

Среди других пассажиров в поезде офицеры. Не те насильники, которых с ужасом вспоминает Мария, а люди, пусть и далекие от совершенства, но ищущие почти подсознательно очищения духа.

В поезде тревога: началась холера! На земле, около вагона, корчится от боли женщина, артистка. Вокруг молчаливая толпа. Женщина молит о помощи. Толпа любопытных все рас-

тет. И только один человек переломил в себе страх: Мария. Она прошла через расступившуюся толпу — за ней майор Георгий Жгенти.

Кто послал ее, порочную, на подвиг? Кто помог разорвать стальной круг страха, сковывавший людей? Как решилась она переступить черту, за которой гибель?

Подоспевший Иван Иванович успокоил: у женщины не холера — простое отравление.

Но об этом не знала Мария, не знал майор.

Тут мы подходим вместе с автором к главному: к проблеме ответственности за себя и за всех, к проблеме свободы выбора.

Когда Мария совершила подвиг, опустились головы мужчин.

Только сам автор, писатель Владимир Максимов, может смотреть в глаза своей Марии: он-то сам поднялся против опасности, еще более страшной, чем холера.

И он смело может сказать вслед за своим героем:

«Легче всего сослаться на обстоятельства, оправдывая свое трусливое рабство. Осознай себя бессмертным и ты будешь свободен».

Не каждому дано пойти на подвиг, но с каждого из нас спросится.

Единые духом, вырвались из карантина два центральных, сквозных героя романа — Борис и Мария.

Они увидели, они узнали.

Глубокой верой звучат заключительные строчки романа:

«Слава, слава Тебе, Господи, за то, что Ты породил и спас меня!».

Максимов говорит о себе:

«Мне хотелось сразу же „во всем дойти до сути“, нащупать истоки процесса, раздирающего общество, выявить для себя историческую концепцию».

Стремление дойти до сути привело Максимова к Достоевскому, а через него — к Богу.

В стране, залитой кровью миллионов, в обществе, раздираемом современной шигалевщиной, — видит писатель человека, способного преодолеть бесовщину коммунизма, найти путь к спасению России через подвиг духа.

Первый роман Максимова «Семь дней творения», полученный по каналам Самиздата, издан «Посевом» в 1971 году.

«Карантин» — второй его роман.

Еще один роман Максимова — «Прощание из ниоткуда» — начат печатанием в «Гранях»: в № 87—88 первая часть его.

И теперь можно уже смело сказать: недра обугленной России дали еще одного, после Солженицына, большого писателя.

Талант Максимова сложившийся, своеобразный, продолжающий ту линию русской литературы, что укоренена в Достоевском.

И уже теперь можно сказать: имя русского писателя Владимира Максимова достойно того, чтобы быть внесенным в список кандидатов на соискание Нобелевской премии по литературе.

Владимир Самарин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ДОРОГИЕ СОРАТНИКИ И РУССКИЕ ЛЮДИ!

Сообщаю, что вышел из печати 1-й том мною написанного сборника «ДРОЗДОВЦЫ ОТ ЯСС ДО ГАЛЛИПОЛИ». В этой книге 394 страницы, 3 страницы в тексте с портретами, 16 страниц с фотографиями и схемами — как приложение.

В сборнике следующие главы: От автора; Введение; Формирование отряда и поход Яссы—Дон («Дневник генерала Дроздовского», дополненный воспоминаниями участников похода); Второй Кубанский поход; В рядах Вооруженных Сил Юга России. Указаны источники, на основании которых написан сборник.

Желающие приобрести сборник «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи», освещающий события в России во время гражданской войны и, на фоне их, подвиги и дела дроздовцев и других белых воинов, благоволят обращаться по адресу:

Wladimir Krawtschenko,
8 München 70,
Fürstenriederstr. 268a.
West Germany.
Tel.: 74 57 93.

Цена сборника 30,00 ДМ. Вне Германии — в соответствующем переводе на местную валюту (по курсу дня) страны, например, в американских долларах — около 11 долларов. Наложным платежом книга не высылается.

Чтобы определить величину тиража будущего 2-го тома сборника «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» (главы: От автора; Крымская эпопея; Галлиполи и Заключение — с большим числом фотографий и схем), мною открыта предварительная подписка на 2-й том сборника, стоимость и величина которого соответствуют 1-му тому.

Для информации и предварительной подписки прошу обращаться по вышеуказанному адресу. Деньги переводить на мое konto: Postscheckamt München, Konto 189241.

Всем пожертвовавшим на издание сборника и подписавшимся на него приношу свою сердечную благодарность за оказанную мне помощь при издании 1-го тома.

С совершенным почтением

Владимир Михайлович Кравченко
Начальник 2-го Отдела РОБС'а,
Представитель Союза чинов
Русского Корпуса в Германии.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний выступал 11—13 декабря 1972 г. на расширенном заседании Архиерейского Синода в Нью-Йорке с докладом о соглашении с РЕМППО «Интернейшенел ланд девелопмент оф Нью-Йорк корпорейшен» и о судебных процессах в Иерусалиме против Миссии, контролируемой правительством СССР, и против незаконных действий израильского правительства с имуществами Миссии и Православного палестинского общества в 1948 г. Выслушали также и устные объяснения президента корпорации РЕМППО Ч. Металона и вице-президента А. Мендоза и прибывших из Иерусалима адвокатов Миссии.

Из доклада начальника Миссии о соглашении с корпорацией РЕМППО и из полученных разъяснений от г-на Металона и г-на Мендоза, а также и из представленных Архиерейскому Синоду документов явствует, что корпорация имеет в виду привлечь различные предприятия и капитал для использования свободных, не имеющих религиозного или археологического значения участков земли Русской Духовной Миссии и Православного палестинского общества, путем аренды их для построек. Таким образом, отсюда поступал бы постоянный доход вышеозначенным учреждениям в Св. Земле. По истечении срока аренды участки эти с постройками перешли бы снова во владение Миссии или Православного палестинского общества. При этом корпорация обязуется тщательно соблюдать не только материальные интересы Миссии и Общества, но и следить за тем, чтобы ничто не шло в ущерб их достоинству. В каждом отдельном случае, касающемся использования участков, дело представлялось бы на одобрение Архиерейского Синода. Участвовавший в заседании Синода бывший долготелый начальник Миссии в Иерусалиме Архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский Антоний засвидетельствовал, что сдача Миссией участков в аренду была и раньше и ничего нового собой не представляет. Сдавались в аренду участки и во время пребывания в Иерусалиме в качестве наблюдающего за делами Миссии почившего блаженнейшего Митрополита Анастасия.

Ознакомившись тщательно со всем представленным материалом и обстоятельствами дела, Архиерейский Синод признал, что соглашение с корпорацией РЕМППО отвечает интересам Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Православного палестинского общества, что оно решительно ничем не угрожает их участкам и, напротив того, может только значительно содействовать их сохранению от каких-либо претензий или их экспроприации, вследствие оставления их без эксплуатации, на которую у Миссии сейчас никаких средств нет.

Принимая во внимание все это, как и то, что эксплуатация участков будет со-

ответствовать достоинству владеющих участками Миссии и Православного палестинского общества, Архиерейский Синод постановил, представленный ему проект соглашения с корпорацией РЕМППО одобрить, а на начальника Миссии архимандрита Антония и его сотрудников и на их тяжелый и ответственный труд призывает Божие благословение.

БЛИЖАЙШИЕ ПЛАНЫ

Первый музей Русской Духовной Миссии в Старом Иерусалиме будет открыт в здании Административного Центра Миссии и Православного палестинского общества, также известном под названием «Русские раскопки». Миссия и Общество имеют множество ценных предметов исторического и археологического значения, которые будут выставлены для показа. Описание этих предметов с объяснениями будет своевременно опубликовано. Открытие Музея предполагается в ближайшее время.

Некоторые монахини Гефсиманского монастыря владеют искусством иконописи и работают в небольшом помещении, отведенном для этой цели. Так как среди русских православных общин всего мира имеется очень большой спрос на иконы вообще и тем более на иконы, писанные в Св. Земле, гефсиманские иконописицы не поспевают с выполнением и малой части заказов. Поэтому решено было прибавить еще один этаж поверх одного из зданий Гефсимании и устроить там специально оборудованную студию со стеклянными стенами и особым освещением — для улучшения условий этой специализированной и кропотливой работы.

Миссия имеет земли и старые здания в Иерихоне, городе, находящемся вблизи Иордана и неподалеку от Мертвого моря. Летом там жарко, а зимой очень тепло и климат сухой круглый год. Иерихон — замечательный зимний курорт для отдыха, для выздоравливающих и про-

сто для людей, желающих пожить зимой в тепле, при ярком солнце и без дождя.

Старое здание приюта для русских паломников, в течение многих лет сдававшееся организации УНРВА, будет перестраиваться и заново отделяться. В нем, для начала, предполагается устроить 15 меблированных квартир со всеми удобствами. При доме есть сад и предполагается организовать хороший ресторан, магазин сувениров и туристическое агентство.

✱

В воскресенье 3 мая в день празднования свв. Равноапостольных Константина и Елены в Гефсиманском храме Равноапостольной Марии Магдалины в Иерусалиме Литургию совершали Архиепископ Лос-Анджелесский Антоний и Епископ Штутгартский Павел в сослужении начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антония и духовенства Миссии и прибывшего с архиереем, в связи с судебным иском Миссии, протопресвитера Георгия Граббе.

По окончании Литургии председатель Православного палестинского общества ген. Михаил Георгиевич Хрипунов обратился с словом к Архиепископу Антонию, бывшему начальником Миссии в период с 1933 по 1951 гг., отметив его большие заслуги в сотрудничестве с администратором Общества Антиповым. В конце своего слова он предложил Архиепископу Антонию возложить на себя Знак-Орден Палестинского общества 1-й степени. Архиепископ с благодарностью принял неожиданную награду и отметил, что Знак-Орден имеет образ креста, а внутри изображение креста Константина и что это знаменует собой, помимо награды, напоминание о необходимости подвижничества в жизни христианина. Затем был возложен Знак-Орден и на игуменню Гефсиманской обители м. Варвару, прислуженный ей за заботы о сохранении и улучшении благосостояния Гефсимании в течение долгого времени ее пребывания в обители.

Русская школа в Мюнхене

Общество «Содействия Образованию Русским Детям и Молодежи» было основано в 1959 г. по инициативе ныне покойных о. Анатолия Древинга и проф. Ф. А. Стетуна с целью оказания помощи русским детям и молодежи во всех их нуждах. В то время в Мюнхене и в других городах Баварии Обществом был создан целый ряд групп по обучению русскому языку. Еженедельно о. А. Древинг объезжал города, где были также молодежные группы, и проводил в них и уроки Закона Божьего.

В Мюнхене был открыт интернат для учащихся, родители которых были разбросаны по маленьким пунктам Баварии. Устраивались встречи русской мо-

лодежи из разных мест Германии, организовывались поездки на съезды РСХД во Францию.

С момента основания Общества при нем была открыта и русская школа, в которой и по сей день успешно проводятся занятия.

Летом дети проводят каникулы в доме Общества, построенном в 1963 г. в Эберсберге (около Мюнхена). Дом расположен в живописной местности и рассчитан на 30 человек. В нем недавно (1973 г.) было устроено центральное отопление (пока еще не во всех комнатах), так что теперь дом можно использовать круглый год. Вблизи дома находится маленькое

озерцо, где дети могут обучаться плаванию, а также теннисные площадки.

Кроме того, Общество сдает дом. За последние годы там отдыхали, например, учащиеся школы им. Пушкина, группы немецкой, балтийской и латышской молодежи.

С течением лет задачи Общества несколько изменились. Если, ко времени его возникновения, активным членам Общества нередко приходилось быть как бы посредниками между родителями, не говорившими по-немецки, и Баварским школьным управлением, испрашивавая стипендии для несостоятельных учащихся или оплачивая частные уроки немецкого языка неуспевающих в школах, то в наше время эта сторона деятельности не актуальна. Подрастающее поколение оказалось в более благоприятных материальных условиях, чем поколение до него. Но в другом плане школьная жизнь оказалась сложнее, чем раньше. Появились серьезные задачи: главная из них — уберечь детей от

того отрицательного влияния, которому они ежедневно подвергаются вне дома, и добиться того, чтобы они не боялись «быть не как все», т. е. сохранить свою индивидуальность. Говорить об ослабевающем интересе к русскому языку не приходится. Это относится и к детям из браков, где только один из родителей русский. В этом году школу посещают 43 учащихся; для Мюнхена это много. Работа покойного о. А. Древинта с молодежью вполне оправдала себя. После кончины о. Анатолия, исполняя его последнюю волю, духовное окормление подрастающего поколения ведет о. Сергей Матвеев.

Занятия в школе происходят 2 раза в неделю по Закону Божию, русскому языку, литературе, географии и истории России. Устраиваются детские спектакли, молодежь обучается народным танцам и пению.

В данное время Обществу не хватает сотрудников и денег для того, чтобы проводить план деятельности.

вым была поставлена оперетта «Граф Люксембург».

● В Аделаиде (Австралия) в зале Эстонского клуба 29 июля церковно-приходский совет при св. Владимирском храме организовал художественно-литературно-музыкальный вечер — День русской культуры. Вступительное слово сказал о. Алексей Микриков. С докладом о жизни и деятельности творцов русской культуры выступил О. В. Козин. Поэт В. Н. Резников прочел свое стихотворение «Общая исповедь», тема которого — массовые исповеди о. Иоанна Кронштадтского. В музыкальной части певица Е. Е. Тренгина исполнила несколько романсов. Во втором отделении группа артистов под руководством В. Н. Резникова сыграла сцену из пьесы Островского «Свои люди — сочтемся». И. М. Моисеев спел арию Сусанина. С успехом выступала и артистическая молодежь: М. Горячко, Л. Мошенина, Л. Ющенко, М. Мустанова, Ш. Долголева, М. Кривач, П. Козин, Н. Суриков, М. Мустанов, В. Лизогубов, М. Кенит, М. Пожидаева, И. Кронина и Н. Суриков.

● Казачий ансамбль им. А. Карасева в Мельбурне (Австралия) отметил свою 22-ю годовщину балом.

● Школа Благовещенского Прихода в Флашинге (Нью-Йорк) поставила силами учащихся пять картин из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Эти картины с хоромы и сольным пением и танцами передали почти полностью содержание оперы в обработке, приспособленной для школьников.

● В Св.-Покровской церкви в Кабрамата (Австралия) часто поет детский церковный хор из 30 детей обоего пола в возрасте 7—13 лет под управлением Л. Н. Мартыновской.

● Йельский русский хор отметил 20-летие своего существования торжественным концертом, в котором участвовало 118 певцов. Зал Вульси Холл в Нью-Йорке был переполнен. Концерт начался церковными песнопениями. Затем были исполнены народные песни болгар, македонцев и латышей. В заключении были спеты многочисленные русские народные песни. Все было исполнено прекрасно. За 20 лет основателем хора Денисом Мицкевичем была проделана большая работа, требующая умения и массы энергии.

● Сестричество Св.-Покровской церкви в Лос-Анджелесе (США) устроило 16 сентября концерт в пользу храма.

● С программой, посвященной произведению П. И. Чайковского, выступил 28 октября в зале Русского центра в Нью-Йорке пианист Анатолий Китаин.

● По инициативе Кубанской станции штата Виктория в Данденонге — Мельбурне 10 июня состоялся концерт и была поставлена пьеса Чехова «Медведь».

Х Р О Н И К А ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Николай Гедда выступил 1 октября в концерте камерной музыки в театре Шанз-Элизе в Париже.

● 22 сентября в Доме Инвалидов в Париже состоялся концерт с выступлениями оперных певцов и артистов эстрады Бориса и Патрика Московитовых, исполнивших несколько русских народных песен.

● Литературно-художественный кружок «Русское творчество» возобновил после трехлетнего перерыва свою деятельность. В начале июня в Крайдоне (Австралия) состоялся вечер докладов. Особенно интересен был доклад А. Г. Макриди об императоре Павле I.

● 4 октября в Доме встреч в Мюнхене состоялся интересный концерт недавно приехавшего из Советского Союза виолончелиста Марка Варшавского и известной концертной пианистки Галины Коваль, организованный Н. Доро. В первом отделении М. Варшавский играл соло сюиту № 5 С-моль для виолончели Йоганна-Себастьяна Баха, а затем вместе с Галиной Коваль сонату Е-моль, опус 38 для рояля и виолончели Йоганнеса Брамса. Во втором отделении оба артиста играли сонату Д-моль, опус 65 Шопена, написанную для рояля и виолончели. На бис они сыграли «Скерцо» Шостаковича.

● В субботу 17 ноября в 8 ч. вечера в небольшом уютном зале популярного в Мюнхене (ФРГ) Дома встреч, цель которого — служить сближению эмигран-

тов из восточной и юго-восточной Европы, состоялся концерт гастролера из Парижа, известного тенора Григория Гришина и пианистки Галины Коваль, организованный руководителем группы «Феникс» Н. Доро. Опытный певец, прекрасный исполнитель, Гришин открыл концерт романсом Р. Глиера «Сладко пел душа-соловушка». Очень понравились «Осенняя песня» А. Черепнина и два романса Н. Доро — «Черемуха душистая» на слова С. Есенина и «Васильки» на слова Ф. Сологуба. Как всегда, произвел впечатление известный романс С. Рахманинова «Христос воскрес»; хорошо прозвучал и романс парижского автора Н. Свистуновой на слова Пушкина «Я думал, сердце позабыло». Второе отделение началось романсом Чайковского «Ни слова, о друг мой», «Растворил я окно» и популяризованного Собинновым «Средь шумного бала». Артист исполнил также несколько иностранных произведений в оригинале, а затем по требованию публики спел на бис арию Ленского и романс Гречанинова «Подснежник». Аккомпанимент Г. Коваль можно без преувеличения назвать художественным.

● Русское музыкальное объединение поставило оперетту «Графиня Марича», музыка А. Кальмана. Спектакль состоялся в Сиднее (Австралия) в концертном зале Латвийского клуба. Главным организатором этого начинания был председатель РМОБ К. В. Щербаков. Постановка режиссера Н. Г. Наталенко и его помощника С. Коршуна. Тем же Объединением при содействии Русского клуба во главе с председателем С. Ф. Кругло-

• Опытный педагог Ф. Богданова работает с группой детей, подготавливая их к театральной деятельности. Занятия ведутся в помещении школы при Покровском соборе в Мельбурне (Австралия). Подготавливается пьеса «Женитьба» Гоголя, которая будет разыграна силами учащихся.

• В сентябре и начале октября с. г. в Париже состоялась выставка картин Сергея Полякова. Большинство из выставленных ста картин (масло и гуашь) были написаны в 1936—1939 гг. Много картин крупного формата, представляющих композиции разноцветных линий и геометрических фигур. Поляков родился в Москве в 1900 г. С 1923 г. живет в Париже. В 1947 г. художник награжден премией им. Кандинского.

• В Хельсинки в помещении общества им. Александры Ионовой состоялась выставка картин художницы. А. Ионова родилась в гор. Лахти (Финляндия) в 1899 г. Ее творческая деятельность прошла в Финляндии и несомненно находится под влиянием своеобразной северной природы.

• 29 сентября в Нью-Йорке состоялась выставка картин художника Эдуарда Гаврилова.

• 19 августа в зале прихода Св.-Покровского собора в Мельбурне (Австралия) был избран комитет по устройству Дня непримиримости в 1974 г. в следующем составе: г. Климецкий — председателем, г. Скопчинский — секретарем, г. Головки-Подолан — зав. художественной частью, г. Фест — устройство антикоммунистической выставки, и членами комитета — гг. Чишковский, Штеров, Жуков и Петропуло. Постановлено День непримиримости провести 11 или 18 ноября.

• Св.-Серафимовский фонд устраивает летом 1974 г. экскурсии в Европу с целью посещения храмов и русских исторических мест. Запись в Св.-Серафимовском фонде: 322 West 108th Street, New York, N. Y. 10025, USA.

• Основатель и долготелний руководитель общества бывших комбатантов Французской армии А. Аракелян награжден офицерским крестом ордена Почетного легиона.

• 16 сентября в Нью-Джерси (США) в помещении Казачьего комитета состоялся съезд делегатов Малого Донского круга. Главной темой были предстоящие выборы зарубежного атамана. Было постановлено от выборов отказаться, а функции атамана возложить на президиум Малого круга во главе с председателем Н. Е. Корольковым.

• В этом году Нобелевская премия по экономике присуждена русскому ученому, профессору Гарвардского университета (США) Василию Леонтьеву. Лауреат эмигрировал из Советского Союза в 1920 г.

• В Париже происходило чествование русского египтолога М. В. Малинина, награжденного премией Гастона Масперо от Французской академии наук.

• Бельгийский журнал «Ренессанс» напечатал статистическую статью с точным подсчетом человеческих жертв по годам с 1918 по 1945 г., погибших в России от террора, голода и войн. Общее число жертв достигает 77 304 000.

• Св.-Серафимовский фонд организовал в Нью-Йорке две библиотеки — публичную, в которой книги бесплатно выдаются для чтения, и книгохранилище, где хранятся книги, представляющие собой культурную ценность. Лиц, желающих пожертвовать книги для библиотек, просят посылать их по адресу фонда: St.-Serafim Foundation, 322 West, 108th Street, New York, N. Y. 10025, USA.

• Национальная Академия наук США отправила две телеграммы президенту Академии наук СССР Мстиславу Келдышу, в которых выражен протест против травли академика Сахарова.

• Общество «Родина» в Лейквуде (США) отпраздновало 19 лет своего существования.

• В Монреале (Канада) состоялся парад русского отдела королевского Канадского легиона им. св. Георгия Победоносца. Торжество открылось богослужением с провозглашением вечной памяти государю Николаю II и его семье, королю Югославии Александру, всем павшим русским воинам и жертвам коммунизма. Были исполнены канадский и русский гимны. Под звуки преображенского марша участники парада прошли церемониальным маршем.

• 3-й съезд Объединения русских зарубежных корпусов в Лейквуде собрал более 500 человек, в том числе 35 кадет из других стран, как, напр., Чили, Аргентина и Швеция.

• В Русском клубе в Сиднее (Австралия) было организовано торжественное чествование писателя, поэта, лектора и артиста П. А. Сухатина в связи с 50-летним юбилеем его творческой деятельности.

• По инициативе директора летних русских курсов при Норвичском университете (США) проф. Н. В. Первухина состоялся съезд русских писателей и поэтов. С чтением своих произведений выступили И. Елагин, Б. Филиппов, Ю. Иваск, О. Ильинский, П. Муравьев, Л. Ржевский, В. Самарин, А. Шишкова, Н. Ульянов и В. Юрасов.

• В Русском доме Мельбурна (Австралия) 23 июня состоялся вечер, посвященный памяти С. Есенина. Доклад З. А. Кжеминой сопровождался декламацией Ф. Н. Тарлова и Г. Н. Петропуло. Вечер закончился демонстрацией документального фильма «С. Есенин».

• 9 ноября в помещении Русской консерватории в Париже Союз русских писателей и журналистов вместе с журналом «Грани» устроили вечер, посвященный подпольной поэзии в Советском Союзе. Основной доклад прочитал А. М. Югов, только недавно выехавший из Сов. Союза.

• Вечер докладов в обществе «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) состоялся 15 июля в помещении ИМКА. Проф. И. И. Гапанович говорил о романе Солженицына «Август Четырнадцатого». Е. Н. Казанская отметила столетие со дня рождения композитора С. Рахманинова докладом о его творчестве.

• Писательница Ирина Сабурова прочитала из своих произведений на вечере, устроенном 9 ноября с. г. Русской библиотекой Толстовского фонда в Мюнхене (ФРГ).

• Пушкинский клуб в Лондоне открыл 5 октября с. г. зимний сезон 1973-74 годов докладом проф. Н. Е. Андреева на тему «Русская зарубежная литература».

• 5 августа в Русском доме в Мельбурне (Австралия) состоялся вечер «Зеленой лампы». С докладами выступили В. В. Лефлер — «Русские землепроходцы», и В. С. Красс — «О путешествии по Невой Гвинее».

• Приехавший из Советского Союза в Америку, по приглашению университетов Колумбийского и Джорджа Вашингтона, Валерий Чалидзе, член Общества по защите гражданских прав, приступил к чтению лекций студентам. В них он излагает все недостатки советского законодательства, лишающие граждан самых элементарных прав, и те уловки, к которым прибегают советские судьи, прокуроры, полиция и учреждения, чтобы отклонять законные и основанные на конституции требования граждан. Вот несколько из его замечаний: «Весьма много советских граждан хотело бы навсегда покинуть Советский Союз. Легально этого сделать нельзя, а нелегально — очень рискованно. Границы бдительно охраняются, и очень многие попадают совсем не туда, куда хотели бы». «Весьма любопытно, что получение советского гражданства стоит гроши. При подаче прошения уплачивается 50 копеек. Но избавиться от него стоит очень дорого — 400 рублей». «Вам известны основные правовые принципы. Граждане обязаны подчиняться законам и исполнять их. Государство обязано их публиковать. Но что делать нам, советским гражданам? У нас в стране наряду с опубликованными существуют и неопубликованные законы. О них мы можем только догадываться». На вопрос студентов, существует ли дискриминация евреев в вашей стране, В. Чалидзе ответил: «Как понимать дискриминацию? Может быть в обратном смысле. Ведь евреи — единственная в Советском Союзе нация, имеющая привилегию ле-

гально покидать Советский Союз». — Что можно сказать об арестах на Украине? — «Ровно столько же, сколько и об арестах в Москве».

● 7 октября в зале им. Рахманинова в Нью-Йорке состоялся доклад проф. И. С. Арсеньева, посвященный русской культуре XIX века. Докладчик говорил о старой Москве, Киреевском и Хомякове, философских кружках молодежи, Московском университете и религиозной жизни.

● По случаю выхода книги Бориса Зайцева «Избранное» Св.-Серафимовский фонд устроил 14 сентября в Нью-Йорке собрание, на котором выступило два докладчика: Л. Д. Ржевский — «Слово о Б. К. Зайцеве» и А. С. Шиляева — «Религиозные темы у Б. К. Зайцева».

● 28 октября в зале им. Рахманинова прот. Александр Киселев прочитал доклад «Учение преподобного Серафима Саровского и духовные процессы в русском народе, известные нам со страниц советской прессы».

● Русский художник Евгений Евгениевич Климов прочел в зале им. Рахманинова в Нью-Йорке две лекции: «Иллюстрации русских художников к произведениям русской литературы» (18 ноября) и «Творчество Репина» (25 ноября).

● В начале августа иконописный кружок прихода храма Архистратига Михаила в Каннах (Франция) устроил свою 5-ю выставку икон в церковных залах. Об этой выставке трижды писалось в «НисМатэн» с фотографиями... Радио Монте-Карло несколько раз оповещало о выставке, а франц. национ. телевизия прислала своего оператора; стенды были засняты, и телезрители могли видеть на «маленьком экране» эту выставку в самом привлекательном виде. Посетителей, судя по подписям «Золотой Книги», было намного больше, чем на прежних выставках.

● В Детском доме Монжерона (Франция) в данное время находятся 25 детей от 6- до 17-летнего возраста. Дом нуждается в денежной помощи. Для сбора средств 1 и 2 декабря состоялся традиционный базар, как всегда собравший большое количество посетителей.

● По инициативе архиепископа Никона и трудами инспектора епархиальных школ Русской Зарубежной Церкви Г. В. Лукьянова 18 ноября в Синодальном зале на Паркавено в Нью-Йорке состоялся второй съезд руководителей и преподавателей приходских школ на Восточном побережье США. На съезде присутствовало около 50 человек, и прошел он в профессионально-деловой атмосфере.

● Суворовский лагерь Витязей в Ляфрей на юге Франции проходил с 22 июля

по 31 августа. В лагере, как обычно, велись занятия по родиноведению, русской литературе, русской истории и Закону Божию. В лагерьной церкви пел хор витязей под руководством регента С. Иванова. Вожатая А. Веремьенко организовала большой хор.

● Правление прихода св. Архистратига Михаила в Каннах (Франция) сообщает, что в конце апреля — начале мая 1974 года готовится епархиальное паломничество к святыням Лесненского монастыря в Нормандии. Если окажется достаточно записавшихся, приход наймет автокар, с возможностью по пути захватить и других желающих ехать (например из центра Франции). Можно будет посетить, по дороге, и иные интересные места. Если же окажется едущих недостаточно для автокара, поедут одиночки поездом.

● Архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский побывал в Мюнхене (ФРГ), где посетил радиостанцию «Свобода». 15 сентября в помещении радиостанции состоялась беседа с сотрудниками станции на тему «Православная Церковь в Советском Союзе и в свободном мире».

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

● Весной будущего, 1974, года на фасадной стене Св.-Владимирского храма-памятника в Джексоне (США) будут помещены две мозаичные иконы — св. князя Владимира и свв. страстотерпцев Бориса и Глеба. Иконы изготавливаются под руководством архимандрита Киприана в специальной мастерской в Мексике.

● Издание епархиального «Вестника» Зап.-Европейской Епархии Русской Заруб. Церкви теперь переформировано, и этот орган будет выходить обязательно за месяц до Рождества и до Пасхи (вероятно еще 3-й раз в году) в виде сброшюрованного журнала в 60 страниц, с обильным и разнообразным содержанием. Представительница этого издания в Каннах — Надежда Петровна Гуз, к которой и следует обращаться как с просьбой выслать журнал, так и для внесения платы. В иных местах — обращаться к настоятелям наших храмов

или к заведующему экспедицией журнала Николаю Аполлоновичу Косякову.

Адреса указанных лиц:

M-me N. P. Gooz, Villa Mirage. Aven. Reine Elisabeth. 06400. Cannes.

Mr N. A. Kossiakoff, Villa Evelynne Impasse de la Rosse. Avenue du Petit Juas. 06400. Cannes.

● 15 сентября сосотылось торжественное освящение вновь построенного храма св. великомученика Пантелеимона в Хартфорде (США). На торжество собралось более 400 молящихся. Присутствовали митрополит Филарет и епископ Лавр. Пело три хора: Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, приходский и молодежный. Настоятель прихода о. Михаил Былинский был награжден митрополичьей грамотой.

● 19 сентября в Белграде после долгой и тяжелой болезни на 84-м году жизни скончался проф. Максим Владимирович Агапов-Таганский, бывший преподаватель (в 30-е годы) Юридического факультета Белградского университета и автор многочисленных научных трудов. Познакомившись еще в 1919—20 гг. в Алуште со скаутским методом внешкольной работы, он вступил в организацию и оставался верным скаутизму до конца своей жизни.

● 30 августа в гробу, покрытом флагом Красного Креста и усыпанным букетами цветов русского национального флага, была похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже Татьяна Владимировна Зайцева, урожд. Энгельгард. Покойная приняла участие сестрой милосердия в войне Сербии с Австрией в 1914 г., затем в первой мировой войне и в борьбе Добровольческой армии на юге России. Участница 1-го Кубанского похода, получившего название Ледового, она была награждена Орденским знаком Кубанского похода 1-й степени на Георгиевской ленте.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246

Банк: Reuschel & Co.

8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt

V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14